

алина
знаменская
Голубка

Алина Знаменская
Голубка
Серия «Лучшие романы
о любви (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=302152
Голубка / Алина Знаменская: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-112764-0*

Аннотация

Чего только не сделает мать, чтобы сохранить честь своей дочери. Она даже может разрушить ее жизнь... Но ведь приличие соблюдено?!

Семейство Подольских хранит тайну рождения ребенка у дочери-старшеклассницы. Вернее, не семья, а Татьяна Петровна. Она хранит ее ото всех, даже от дочери. Та пытается построить свое семейное счастье. Но жизнь жестоко мстит за маленькую брошенную девочку, которой достались от мамы только вышитые голубки на носовых платочках.

Можно ли что-то исправить? Раскаяние, слезы, бесполезные поиски ничего не дают. Разве что случайная встреча...

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Алина Знаменская

Голубка

© А. Знаменская, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Часть 1

Лерочка

– Лера! Лерочка! Ну где же ты, в конце концов?

Лиза, домработница Подольских, по пояс высунулась из окна, легла на широкий подоконник и, щурясь от беспощадного июньского солнца, взгляделась в сторону простирающейся за соснами волейбольной площадки.

Сейчас там кидали мячик какие-то ребятишки. Ни одной девушки она среди них не разглядела и с досадой хлопнула ладонью по краю подоконника. От ее движения обиженно колыхнулись длинноногие, круглоголовые золотые шары, что густо росли под окнами кухни и возле террасы. От гаража просигналила машина.

– Слышу, слышу... – проворчала Лиза, отмахиваясь полотенцем от пчелы. – Что ж я одна разорвись теперь надвое? И дом без присмотра не оставишь, пироги в печи, и на вокзал ехать некому. Хозяйка в городе задержалась, а Лерочка... Эта егоза где-то бегает, ее не дозовешься.

* * *

Нужно оговориться, что ворчала Лиза так, для пущей важности. И о Лерочке думала как о маленькой, хотя той мину-

ло шестнадцать лет и ей уже поручали в семье важные дела. Такие, как, например, встреча на вокзале любимой тетушки. Будь Лизина воля, она, конечно же, повременила бы поручать девочке серьезное. У нее еще ветер в голове. Да и каникулы! Но Татьяна Ивановна приказали, чтобы Лерочка, потому что больше некому...

– Ле-ро-чка! – прокричала она, сделав ладони рупором.

В ответ на соседней даче включили патефон, и окрестности заполнил страстный чужой голос, выводящий явно что-то неприличное. «Бесаме, бесаме мучо...» – тянул иностранец, и от его призыва Лизе стало немного не по себе. Она плюнула с досадой. Такие песни среди бела дня! Срам...

Из гаража на дорожку выкатилась блестящая, даже несколько хвастливая в своем блеске новенькая «Победа» – гладкие боковины, наклонное ветровое стекло, плавный скат крыши... Ух!

Машина будто бы чувствовала, что подавляет, ослепляет домработницу своей красотой, и еще напыщеннее стояла в ожидании, пока та выйдет на крыльцо и, посмотрев на блестящие бока автомобиля, покачает головой.

Тотчас рядом с «Победой» вырос такой же начищенный и сияющий солдатик Вася Никоненко.

– Карета подана! – просиял он белыми зубами.

Лизавета хмуро уставилась на него.

– Подана-то подана, а ехать некому!

Лизавету всегда немного раздражала чрезмерная улыбчи-

вость Васеньки. Сияет, словно блинов наелся.

На самом деле тут Лизавета была не совсем справедлива. Васе Никоненко действительно сказочно повезло: служить он попал в очень хорошее место. Мало того что в Москву, столицу нашей Родины, так еще и личным водителем. Опять же не к кому-нибудь, а к генералу Подольскому! Генерал, как Вася вскоре сообразил, был ЧЕЛОВЕК. Требователен, но прост. И пошутить мог, и наказать, но не обижал зря. Кормили Васю на генеральской кухне досыта, книжки разрешали брать из личной библиотеки.

Единственным требованием генерала была безупречность внешнего вида солдата Никоненко и, конечно же, боевая готовность автомобиля.

Машина могла потребоваться в любое время дня и ночи. И уж Вася старался!

Ну а как не стараться, если машина – просто игрушка! Комфортабельный новый автомобиль, с мягкой подвеской колес, с хорошо защищенным от пыли, жары и холода салоном, с вентиляцией и отоплением, с мощными тормозами... Не машина – песня!

Лизавета, не переставая хмуриться на Васенькину беспечную улыбку, вернулась в дом, закрыла окно, нарочно не торопясь, убавила огонь в духовке. Вот сейчас Вася поднимется в дом, станет спрашивать, как быть, если некому ехать к поезду встретить хозяйскую родственницу. У кого ему спрашивать-то теперь, как не у нее, Лизаветы? Она теперь

здесь главная. Но Вася не шел, а Лизавета вынуждена была выйти на крыльцо, хотя так и не придумала, как быть.

Вася, весело напевая что-то себе под нос, натирал тряпкой и без того блестящий капот цвета кофе с молоком.

– Не волнуйтесь, Лизавета Петровна! Полчаса в запасе у нас еще имеется! – не отрываясь от своего занятия, заявил Вася. Как раз в этот момент Лиза заметила в конце улицы знакомое платьице в мелкий горошек и взмахнула полотенцем, как флагом.

– Рита! – обрадованно вскрикнула она. Подружка Лерочки, Рита Малышева, легким пружинистым шагом приближалась к воротам.

– Здравствуйте, Лиза! А Лера дома?

– В том-то и дело, что нет ее до сих пор! – затараторила Лизавета, как досыта намолчавшийся человек. – К нам Клава приезжает, тетя Лерочкина двоюродная, из Курской области. Нужно на вокзал ехать, я бы съездила, но у меня пироги в духовке. Татьяна Ивановна Лерочке велела, а той все нет...

Рита слушала домработницу Подольских и улыбалась. Ее всегда забавляла манера этой женщины вести дела семьи. Похоже, что Лизавета сильнее самих хозяев переживает все самые пустяшные события в доме.

Ну, казалось бы – в чем проблема? Ну пусть шофер встретит эту двоюродную тетку из Курска! Нет, в семье заведены какие-то свои традиции, которые пуще глаза блюдет именно

Лизавета.

– Ладно, Лиза, я постараюсь разыскать Лерочку, – пообещала Рита. – Скорее всего она на речке. Я как раз туда направляюсь.

И девушка стрельнула глазами в сторону начищенного, как медная копейка, водителя. Тот делал вид, что весь поглощен своей машиной, но она знала, что Васенька видит ее. Поглядывает украдкой. И не мог не оценить ее прекрасный южный загар, завивку и вообще...

Это ощущение добавило настроения и куража в ее беззаботный летний день.

– Я обязательно ее разыщу! – пропела она, убегая в сторону Москва-реки, тонкая кромка которой синела среди сосен.

Она шагала по тропинке, сохраняя на лице улыбку, представляя себе хитрую физиономию Васеньки.

Рите нравилось нравиться. Нравиться хотелось всем, в том числе и водителю Подольских. Она не совсем понимала свою подружку Леру, остановившую свой выбор на одном и не замечавшую других абсолютно. А ведь вокруг столько интересных молодых людей! Ловить их восхищенные взгляды, купаться в волнах мужского внимания, чувствовать себя королевой среди подданных!

Посреди этих мыслей Рита резко остановилась. Поняла, что идет совсем не туда, куда нужно. Она идет на пляж. А Лерку, пожалуй, нужно искать в другом направлении.

Девушка юлой завертелась на одном месте, платье солн-

це-клеш разлетелось и образовало вокруг бедер ровный ореол.

Рита засмеялась и побежала в другую сторону, к дачам. Издалека разглядела голубей, облепивших крышу высокого сарайчика, зеленый штакетник и ряд яблонь возле деревянной дачи Кузнецовых.

Был будний день. Рита знала: подполковник Кузнецов в это время на службе. Жена его, мать Юрки, дежурит в больнице. Значит, дома никого нет, можно не стучать. Она обошла дачу и увидела сбоку отогнутые палки забора. Без труда преодолев препятствие, очутилась в саду Кузнецовых.

Громко и сочно ворковали голуби. В огороде работал фонтанчик полива – по крупным листьям капусты брызгала вода.

Все в поселке знали, что отец Юры, подполковник Кузнецов, заядлый голубятник. Рита хотя и не разделяла страсти мужского пола к голубям, все же находила эту причуду несколько романтической и даже немного завидовала Лерке, которой Юра устраивал свидания на голубятне.

Кузнецовы впервые снимали здесь дачу, и их сын Юра, настоящий красавчик и спортсмен, быстро попал в центр внимания местной молодежи. Высокий, темноволосый, с яркими синими глазами. Как на такого не обратить внимание? Девушки глаз с него не сводили, когда он приходил поиграть в волейбол или поплавать на реку. Рита уверена: не увези ее родители на месяц в Ялту, Юра Кузнецов был бы у ее ног. Но увы... Она приехала с юга, а у ее лучшей подруги Кале-

рии Подольской такой шикарный кавалер!

«Дачный роман», – прокомментировала Рита, когда Лера во всем ей призналась.

– Что ты, Рита! Это любовь! Любовь на всю жизнь!

– Тогда почему вы прячетесь? Почему ты не приведешь его домой, не представишь родителям?

– Ты что, с ума сошла? – У Леры глаза на лоб полезли. – Папа меня под замок посадит! Он постоянно твердит: прежде всего институт, потом...

– Ну, ну, ну, – остановила Рита. – Потом аспирантура и замуж за человека с положением! Знакомая песня...

– Мама тоже не обрадуется: десятый класс, а у меня любовь. Ты же знаешь моих родителей... Нет, пусть все пока останется в тайне.

Да уж тут Лерка, пожалуй, права. Семья у Подольских образцово-показательная, здесь никаких отступлений не допускается. Прекрасные успешные родители, послушная дочь.

И Рита гордилась, что посвящена в тайну, и стойко несла свою миссию.

Вот сейчас она находилась в чужом саду и чувствовала, как становится щекотно и холодно от внезапного приключения.

Остановилась среди георгин, недалеко от голубятни, задрала голову и промурлыкала мелодию «чижика-пыжика». Это был их с Леркой пароль.

Ответа не последовало. Рита разочарованно оглянулась, продолжая напевать. И скорее по инерции, чем обдуманно стала подниматься по деревянной лестнице. Она уже почти добралась до крыши сарайчика, когда ее остановили вкрапливающиеся в привычное воркование голубей звуки. В голубятне кто-то был. Впрочем, на это она и рассчитывала. Но...

Она замерла, прислушиваясь. Если бы она услышала голоса или смех, как ожидала, то постучала бы. Но слышалась лишь легкая возня и подобие шепота. У Риты отчего-то волосы на руке поднялись, как наэлектризованные. Она спустилась на две ступеньки ниже и уселась на перекладине. Одернула подол своего солнца-клеш.

Вот незадача! Однако и уйти она не может! Ведь Лерку ждут дома, и нужно тетю встречать, и она, Рита, пообещала...

Она уже собиралась стукнуть несколько раз по нагретым доскам голубятни, но ее остановил горячий шепот, раздавшийся совсем близко. Шепот был мужской и прямо-таки обжигающий, Рита кожей ощутила, хотя слов не разобрала. Но сам шепот, как что-то густое и осязаемое, дотянулся до нее, и она отчего-то покраснела.

– Юра, милый... – услышала Рита нетвердый голос подружки и вытянула шею. Леркины слова звучали неубедительно, а вот горячий шепот Юры, напротив, словно сметал все преграды на своем пути.

Сквозь паутину слов Рита разобрала горячие сладкие зву-

ки.

«Целуются», – поняла она. Вообще-то Рита считала себя довольно просвещенной в вопросах любви и несколько раз видела в кино, как влюбленные герои целуются, проявляя чувства. Но сейчас... слушая звуки, доносящиеся из голубятни, она смешалась. Стало горячо волосам, и в груди тоже. Она поняла, что киношные поцелуи – совсем не то, что на самом деле, и артисты скрывают самое главное, и...

Она сидела как приклеенная, не в состоянии что-либо предпринять.

Вот если бы это она, Рита, с Юрой или с кем-нибудь... пусть хотя бы с Васенькой... Ей отчего-то стало обидно до колик в животе, что это не ей предназначается столь жесткое и шумное выражение страсти, что не она, а Лерка так повзрослому яростно вздыхает, словно убегая от кого-то...

Похоже, Лерке приятно целоваться с Юрой, надо будет расспросить поподробнее...

Что же делать? Постучаться и прервать свидание? Она, как истинная подруга, посчитала это недопустимым. Лерке это не понравится. Решение пришло внезапно, как всегда – из ниоткуда. Просияв, она стала тихонько сползать с лестницы вниз, стараясь не заскрипеть. Быстро вернулась в исходную точку своего путешествия.

– Лиза! – прокричала она в распахнутое окно кухни Подольских. – Лиза, я Лерочку не нашла, но я могу вас выручить! Я сама съезжу с шофером на вокзал и встречу тетю

Клаву!

– Риточка! – закатила Лиза глаза и обхватила голову своими крестьянскими ладонями. – Какое ты золото!

Рита скромно потупила глазки, кося в сторону сияющего Васеньки. Не могла же она показать ему или Лизе, что поездка вдвоем с водителем представляет для нее какой-либо интерес!

Татьяна Ивановна любила воскресные чаепития на даче, когда в доме гостила Клава. Приезжала родственница редко, никого не успевала утомить, зато давала лишний повод собраться вместе, подольше посидеть за столом, посмеяться. Особенно нравилось, что муж в такие дни не торопился на свою службу и, как правило, находился в самом прекрасном и добром расположении духа. Посреди гостиной был накрыт белой скатертью стол, с краю стоял начищенный до блеска самовар, в прозрачных хрустальных вазочках искрилось варенье – свежее, нового урожая. Извлекался на свет один из немецких сервизов – витиеватые чашечки с позолотой, блюда, сливочки и чайнички. Только для генерала оставляли его неизменный тяжелый мельхиоровый подстаканник – фарфора он не признавал.

Непременно пеклись пироги. Татьяна Ивановна спускалась к завтраку «по-домашнему» – в длинном атласном халате до пят. В таких, по представлению Клавы, хаживали царицы.

Петр Дмитриевич восседал во главе стола, крупная его голова с пышными усами то и дело поворачивалась в сторону гостыи, глаза искрились смешком, его командный голос благодушно рокотал.

Сегодня за завтраком обсуждалось ночное происшествие – на роскошный Лизаветин цветник посягнул... вор! Сработала внедренная изобретательным Васенькой самодельная сигнализация и спугнула воришку, разбудив при этом весь дом.

– Как зазвенит, как загундосит кругом! – всплескивала руками Лизавета. – Я думала – пожар, не иначе!

– Конец света! – радостно поддакнула Клава, которой тоже посчастливилось принять участие во всеобщей суматохе.

– Это не водитель, это Эдисон! – прищелкнул языком Петр Дмитриевич. – Ведь замучили с этими цветами! Танюшка развела оранжерею глаз не отвести.

– Ни у кого в поселке нет таких георгинов! – похвасталась Татьяна Ивановна.

Лиза скромно промолчала. Это только считалось, что цветы – каприз хозяйки. Обихаживала их большей частью Лиза. И поэтому в поимке преступника принимала самое активное участие.

– Но Лизавета какова! Пинкертон! Шерлок Холмс и доктор Ватсон в одном лице! Смотрю – с фонариком среди кустов туда-сюда, туда-сюда...

За столом все охотно засмеялись. Конечно, вора поймать

не удалось, но зато теперь он будет знать, что не все так просто... Пусть сунется теперь! Васенькина сигнализация работает безупречно!

В разгар шумного веселья к завтраку вышла единственная дочь Подольских, Лерочка.

– О чем шум? – пожелав всем доброго утра, поинтересовалась она.

– Вот кто сладко спит! – восхитился генерал и чмокнул дочь в нежную щечку. – Вот уж кто далек от мирских забот!

Лерочка, шестнадцатилетняя барышня, свежая, как утренние цветы на клумбе Лизаветы, с недоумением взирала на родственников. О чем это они? Сигнализация? Вор? Через забор? Какие глупости! И охота им всем этим заниматься...

Генерал невольно залюбовался дочкой. Ее пушистые волосы, доставшиеся от матери, были беспощадно забраны в косу, которая красивым венцом обрамляла голову, словно корона. Крепдешинная блузка в розовый цветочек удачно оттеняла свежесть лица и подчеркивала яркость глаз. Дочка, взросление которой он видел, но до конца не осознавал, представлялась ему все той же маленькой Лялькой, как он ее называл когда-то. И в обращении с ней ему легче было придерживаться старой тактики нежного подшучивания, чем принять ее взрослость и найти какой-то новый тон, как это удавалось жене.

– Неужели ты ничего не слышала? – удивилась Татьяна

Ивановна. – Васенькины провода весь дом вверх дном перевернули. Кто-то залез ночью за цветами, а сигнализация сработала!

– Да? И что же? Поймали?

– Как же! Сиганул через забор, только его и видели!

– Нужно было видеть Лизу! – смаковал генерал. – Каждый цветок с фонарем обглядела! Лиза! Я вас с Васей к медалям представлю. За бдительность. А, Лерок, как? Ты не возражаешь?

Дочка что-то невпопад ответила, наливая в чашку сливок.

– За боевую готовность к отражению нападения! – продолжал тешиться генерал.

За столом не угасало веселье, в котором Лерочка не принимала участия, рассеяннo улыбалась, отламывая кусочки рассыпчатой ватрушки. Если бы генерал был более внимателен, то он заметил бы и некоторую бледность обычно румяной дочери, и ее настороженную молчаливость, и отсутствие всегдашнего молодого оживления на хорошеньком личике.

Задумайся генерал, как можно не услышать ночной переполох из комнаты дочери, выходящей на открытую террасу – пришел бы к выводу, что лукавит дочка, что не так уж крепко спала этой ночью, но почему-то не хочет признаться в этом. Почему?..

Лерочка и в самом деле лукавила. Ее раздражал этот разговор, и эти шутки вокруг вчерашнего, и вообще эта затея с сигнализацией. Ночью, когда шум во дворе наконец утих,

она выскользнула на террасу и немного постояла, прислушиваясь. Ей было необходимо убедиться, что все закончилось благополучно. Вокруг было тихо, высоко над крышей шумела сосна, где-то трещал мотоцикл. Теплый воздух, наполненный свежестью близкого леса, пьянил голову. Босиком, осторожно она подошла к самым ступенькам и поднялась на цыпочки, пытаясь заглянуть через забор. Лера наступила на что-то острое, наклонилась, пошарила ладошкой по крашеной половице. В ладонях оказался маленький легкий металлический предмет с острыми гранями. Она вошла в полосу света, чтобы рассмотреть. На ладони лежал серебряно-синий значок ГТО. Девушка улыбнулась, зажала значок в ладони и быстрыми неслышными шагами вернулась в комнату.

Завтрак затягивался. Генерал не торопился покинуть гостиную, расспрашивал гостью о деревенской жизни, шутил. Татьяна Ивановна поддерживала разговор. Клава привозила с собой дух родины, какое-то едва уловимое тепло бедной, но щедрой далекой деревни, живые, полузабытые образы, новости деревенские. В то же время Клава невольно напоминала Татьяне Ивановне о своем немосковском происхождении, о том, что не генеральшей она, Таня Подзорова, родилась, а деревенской девчонкой. Пасла гусей до самых невест и имела два платья: одно – на выход, а одно – на каждый день. И оба достались ей от Клавы, двоюродной сестры. Эти воспоминания не нравились Татьяне Ивановне,

она бы предпочла умолчать о них и вообще исключить из своей биографии. Сколько усилий, неустанного труда положила она на то, чтобы избавиться от мягкого южного выговора, от расплывчатого курского «г», от привычки есть ложкой и грызть семечки! Ценой, известной только ей одной, Татьяна Ивановна воспитала из себя степенную и величавую офицерскую жену.

Могла выглядеть элегантной и утонченной, могла и разговор поддержать, и фасон для платья выбрать. И Лизу она давно воспринимала не как односельчанку, а только как прислугу, и та, молодец, знала свое место.

Но вот приезд Клавы неизменно все выворачивал наизнанку, и каждый раз Татьяне Ивановне необходимо было какое-то время, чтобы потом вернуться в свою колею.

Вместе с румяной крепкой Клавой в доме появлялись многочисленные корзинки с гостинцами. Здесь были: бутыл с пахучим постным маслом и несколько желтых колобков свежего сливочного, домашнего; общипанная курица, завернутая в несколько слоев смоченной в уксусе марли; полотняный мешочек с длинными черными семечками и такой же высокий мешочек с белыми, тыквенными. Плоские коричневые пласты домашней яблочной пастилы и несколько глиняных горшков с различным медом – липовым, гречишным, цветочным... И неизменная розовая резиновая грелка с самогоном – личный презент генералу.

После завтрака хозяева отправились переодеться, чтобы везти гостью на экскурсию по Москве. Клава осталась на кухне помочь Лизе.

Домработница мыла посуду, а Клава, разморенная чаем и жарой, у окна перетирала заграничные блюда.

– Ты уж здесь, Лиза, поди, как родная теперь? – говорила Клава, разглядывая фарфор на свет и покачивая головой. – Лерочку ты, почитай, вырастила...

– А как же? – довольная, отозвалась Лиза. – Вырастила, стряпней своей вскормила. Благодать! Муки сколь хошь, продуктов всяких. Петр Дмитриевич моей стряпней вон как доволен! Как воскресенье, так обязательно чтоб пироги. Это уж как закон. Начинок всяких наделаю... А Лерочка плюшки любит. Чтоб сахаром посыпанные.

– Нам бы твою плюшку в войну... – неожиданно перебила Клава. – Жмых ели да деруны из мерзлой картошки...

– Ох-хо-хо...

– А Татьяна-то королевой ходит, – одобрительно заметила Клава. – С годами в ней этого шику только прибавляется. Повезло бабе...

– Ну так! – согласилась Лиза.

– Мать с отцом не дожили. Не увидели дочернего счастья! – неожиданно свернув на слезливый лад, запричитала Клава. – Иван-то, батяка Танин, душа был человек! Только появится с гармошкой своей, тут уж держись! Дым столбом! Через нее, гармошку-то, считай, и сгинул в лагерях... Нюра

не пережила горя...

— Ну, ну, — забеспокоилась Лизавета. Прикрыла дверь кухни и подсела к госте. — Ты это... забудь это, Клава. Не надо этого касаться. Татьяна Ивановна не любит.

— А что такого? — возразила Клавдия и будто бы вынырнула из своей полудремы. — Родители — это святое. Я никогда не забуду доброты моей тетки Нюрочки... Бывалочке, прибежит...

— Так-то оно так... Но ты не забывай, Клава, кто она теперь! Жена генерала! В какие выси взлетела. Тут надо осторожно, тут лишнего болтать не могли...

— Это конечно, — согласилась Клава. — Таня теперь важная. Ты, поди, ее побаиваешься, Лизавета?

— Что мне ее бояться? Я свое дело знаю. Мое дело — кухня, кладовка, цветы вон. Летом — запасы дачные, банки, соленья, грибы. Петр Дмитриевич до рыжиков большой охотник. Татьяна Ивановна без меня как без рук. А в Москве-то зимой? Каждый выходной — гости. Да не кто-нибудь, а все генералы с супругами, ну, на худой конец — полковники. Нужно всем угодить. Мне дела хватает...

— Девчонка уж большая, — заметила Клава. — Наверное, помогает.

— Когда ей? — удивилась Лиза. — Лерочка у нас в школе отличница, общественница опять же. На фортепиано ходит. Мы ее дома-то не видим, а ты говоришь...

— Да невеста уж совсем.

– Кто – невеста?

Дверь кухни распахнулась, и на пороге появилась Татьяна Ивановна – в летнем креп-жоржетовом платье, изящной шляпке и с белой сумочкой в руках. Ухоженная, благоухающая духами. Ну просто картинка из журнала «Работница»!

– Да Клава все Лерочкой нашей любит, – поспешила разъяснить Лиза.

– Красавица, в мать, – подтвердила Клава. – Расцвела. Я говорю – невеста. От женихов, поди, отбою нету.

– Калерия у нас девушка серьезная, – сдержанно возразила Татьяна Ивановна. – В десятый класс идет, на медаль претендует. Какие женихи теперь? А школу окончит – в институт, в медицинский...

– У вас уж все расписано, – прищелкнула языком Клавдия.

– А как же иначе? Сейчас не те времена, чтобы в шестнадцать лет замуж выходить. Слава Богу, не за печкой выросла, – повторила Татьяна Ивановна где-то слышанное выражение. – Единственная дочка у нас.

– Что же ты, Таня, еще-то не родила? – не отставала Клавдия. – А то Лерочка-то улетит, покинет родное гнездо, с кем останетесь?

– Не скоро она улетит, – с улыбкой возразила Татьяна Ивановна. – Ей шесть лет в медицинском учиться. А дети... Петя, конечно, хотел еще ребенка, но... Мы ведь, Клава, не сразу в большой удобной квартире оказались. Пришлось

и по гарнизонам помяться. Сама знаешь, в Германии служили. А там после войны разруха, да и опасно... Какие дети? Самим бы до себя... Генеральские погоны просто так не даются, Клава. Одну вырастили, зато какую!

– Это кому мои погоны покоя не дают? – пророкотал с лестницы Петр Дмитриевич. Заглянул в кухню. – А, три кумушки на завалинке собрались? Лясы поточить?

Клавдия засмушалась, даже со стула поднялась.

– Петя, ты Клаву напугал, – с ласковой улыбкой упрекнула Татьяна Ивановна.

– Какие барышни в Семеновке пугливые!

И он сгреб Клаву вместе с женой и домработницей своими огромными ручищами.

– Поедем, красотки, кататься?

Клава так просто вся покраснела до пят. Лиза только хмыкнула, зная и любя этот кураж в своем хозяине. Татьяна Ивановна сияла. Она особенно ценила такое расположение своего мужа. Так здорово, что в выходной он дома, что его не дергают по телефону из штаба.

Машина уже сверкала у ворот. Только Лерочки не было. Когда она успела убежать, никто не видел. Пришлось ехать без нее. «Победа» неторопливо проплыла по грунтовке меж сосен, выехала на шоссе и весело побежала в сторону Москвы.

Лерочка Подольская стояла, прислонившись к теплему

шершавому стволу высокой сосны, и смотрела игру. Точнее сказать, она смотрела на одного из игроков. Она видела только ЕГО, хотя игроков в команде было несколько и все они были в одинаковых синих майках с номерами и черных спортивных трусах.

И все же он выделялся, и Лерочке казалось, что все болельщики, по крайней мере женского пола, смотрят только на него, видят только его и тайно вздыхают о нем. Он был высок и строен. Его темные, почти черные, волосы лежали волной и чуть курчавились. Движения юноши были исполнены врожденной грации – он красиво прыгал, красиво держал мяч, мастерски выполнял подачу. Играл он увлеченно, его красивое лицо то и дело озаряли эмоции – то радость, то досада, то гнев.

И, наблюдая за игрой, Калерия и сама испытывала целую гамму сильных, малосовмещаемых по характеру эмоций.

Сердце ее то начинало учащенно биться, то замирало, то вдруг принималось ныть, увлажняя глаза непрошеными слезами.

Юношу звали Юрой, и само это имя казалось ей необыкновенным, волшебным, солнечным. Ю-ра... Юрий.

Она не хотела думать о том, что таким же именем могут зваться еще сотни мужчин и мальчиков. Казалось, имя создано нарочно для него. Юрием, по ее представлению, может зваться только высокий стройный юноша с яркими синими глазами. Только он и больше никто.

Лера нарочно не села на скамейку, где сидели теперь все болельщики поселка, а встала отдельно, у сосны. Хотела, чтобы и он при случае сразу нашел ее глазами, чтобы он знал – она здесь, с ним, из-за него...

Лера вдруг отчетливо осознала, что она счастлива. До этой минуты она не смогла бы дать точного определения понятию «счастье». В сочинениях по литературе она писала о счастье любить Родину, о счастье быть комсомолкой и жить в первом социалистическом государстве, о счастье отдать жизнь за мир во всем мире...

Когда она писала это, то бывала очень довольна собой, потому что ее сочинение обычно зачитывали в классе и в учительской как лучшее.

Но теперь она вдруг пришла к заключению, что ничего не понимала раньше. Оно – вот оно, сейчас. Оно – только ее и его, больше ничье. И никакого отношения к счастью не имеет Родина, мама, отец... Никто! Оно сиюминутно.

Солнечный день, нагретая кора сосны, запах хвои, пыль волейбольной площадки, выкрики игроков, свисток судьи, и... сквозь все это – он. Юра, Юра, Юра... И никому не видимая ниточка между ней и им.

Игра кончилась. До Леры дошло, что она совсем не следила за счетом.

По тому, как уныло разбредались игроки в красном, она догадалась, что победила команда Юры. Иначе и быть не могло!

Лера взмахнула рукой, впрочем, он вряд ли заметил – игроки обнимались, колотили друг друга по спине, прыгали. Так выражалось ликование по поводу победы. Девчонки сорвались со скамеек и побежали к игрокам, протягивая букетики незатейливых полевых цветов. Лера ощутила моментальный легкий укол ревности, за который тут же себя обругала. Конечно, она не может вот так же, в толпе, бежать к Юре и открыто выражать свой восторг. Теперь между ними тайна. Но разве же она захотела бы поменять тайну на глупое обожание болельщицы? Разумеется, нет.

Игроки не могли разлепиться. Так, большим общим комом, они и двинулись меж сосен в сторону реки. Болельщицы стайкой потянулись следом.

Из репродуктора неслось задорное «Спой нам, ветер, про синие горы...»

Лера отделилась от сосны и невольно всем корпусом подавалась в сторону убегающей молодежи. Как же так? Ведь не мог он не заметить ее, забыть про нее? Или он считает излишней их встречу здесь, на людях? Но что в этом особенного?

Она сделала несколько шагов вслед исчезающей за деревьями команде. Он обернулся. Она махнула рукой. Он увидел!

Все с той же обворожительной улыбкой он освободился от крепких уз своей команды, что-то крикнул им вслед, убегающим, и пошел навстречу Лерочке.

– Юра, милый...

Она заметила, как он оглянулся при этих словах и машинально приостановил протянутые к нему руки.

– Ты что? Увидят же!

Она пожала плечами:

– Кто? Никого нет. Да хоть и увидят. Какое кому дело?

– Сегодня же доложат родителям, – закончил за нее Юра, оглядываясь на растворяющуюся в деревьях команду. – Как тебе игра?

– Игра? – Лера с трудом переключилась на его вопрос. – Ты великолепно играл, ты это знаешь.

Юра самодовольно улыбнулся.

– Они второй раз нам продули в этом месяце. Подумать только! Зато хвалились, что покажут нам...

Она жадно следила за меняющимся выражением его лица. О чем он говорит? Он шутит? Неужели можно всерьез сейчас рассуждать о каких-то играх, о чем-то еще, кроме их предстоящей разлуки? Теперь, когда нужно ловить каждую минуту, каждую секунду, чтобы напиться друг другом надолго!

У отца в кабинете стоят песочные часы. Лера в детстве частенько забиралась на стол и переворачивала их, наблюдая, как бегут песчинки. Тонкой-тонкой струйкой, образуя ровную горку. Горка – одна минута.

С тех пор как она узнала о предстоящем отъезде Юриной семьи, песочные часы стали олицетворением их счастья. Оно утекает, утекает, утекает...

– Почему ты не спросишь... как вчера... Ну, как у нас дела?

– Как раз собирался спросить. Все тихо?

– Ты ничего не потерял?

Парень недоумевающе уставился на нее.

Лерочка протянула на ладони серебряный значок.

– Твой?

Юрины брови полезли вверх.

– Кто нашел? – быстро спросил он.

– Как ты испугался! – улыбнулась Лера и тут же пожалела о сказанном. Мужчины не любят, когда их уличают в трусости, пусть даже в шутку. Он самый смелый, самый неустрашимый, самый безрассудный! Не побоялся ночью проникнуть в дом самого генерала Подольского!

Лера подозревала, что в этом поступке для Юры крылся особый шик, и не видела в этом ничего плохого. Лера высоко ценила в людях способность на ПОСТУПОК. Она не терпела серость.

– Я нашла его на террасе. – Теперь они вместе шли в сторону реки. Шишки хрустели под ногами. – Было много шума, наши даже с фонарями по саду ходили.

– Представляю, что было бы, найди твой отец этот значок! – Впервые за все свидание Юра с теплом взглянул на свою спутницу. – Ты молодец!

Она быстро прильнула к нему на одну секунду, и снова они пошли рядом, даже не держась за руки.

– Нам лучше переждать и пока не встречаться, – нахмурился юноша.

Лера остановилась.

– Как? Почему не встречаться? Ведь ты... ведь скоро...

Она даже не подозревала, что слезы так близко. Словно чья-то большая лохматая рука взяла ее за горло и начала сдавливать. Она схватилась за шею. По-видимому, на ее лице отразилось отчаяние. Юра быстро оглянулся и торопливо заговорил:

– Это только на некоторое время, пока все не утихнет. Мы могли бы обмениваться записками через твою подругу. Ну сама подумай: если твой отец узнает или ему кто-то скажет, что мы встречаемся, то он сразу сопоставит факты и обо всем догадается!

– Ну и что? – В приступе отчаяния Лера не хотела слушать даже самые разумные доводы. – Как будто мой отец – змей Горыныч! Как будто он не любил мою маму и будто они...

– Не сравнивай. – Юра мягко взял ее за плечи. – Сколько лет было твоему отцу, когда он встретился с твоей матерью? А нам? Для них мы – школьники! Десятый класс и все такое... Только и твердят: институт, карьера... Не сомневаюсь, что твои – тоже.

Да, он прав. Он взрослый, разумный, а она совсем голову потеряла. Она не может заглядывать так далеко, как он.

Лера остановилась. Ей казалось, она идти не может, ноги отказываются ее держать. То, что он предлагал, невыносимо.

Не видется несколько дней! Когда каждый день и без того неумолимо ведет к разлуке! Нет, она не выдержит. Только не это.

— Юра, милый, — захлебываясь слезами, торопливо заговорила она. — Я не смогу! Я и так не знаю, куда себя деть весь длинный день, пока мы не видимся! Я как будто не принадлежу себе, понимаешь? Я — твоя! И быть без тебя для меня пытка! Ты сильный, ты мужчина, ты выдержишь! А я? Я слабая, я — нет. Я не смогу... Пожалуйста, Юра, только не это!

Она сама не знала, о чем просит. Она не понимала, отчего так быстро, почти мгновенно, состояние абсолютного счастья обернулось состоянием беспросветного горя.

— Я должна видеть тебя хоть недолго, хоть несколько минут в день! Но обязательно — каждый день. Понимаешь?

Ей было странно, что она должна объяснять столь простые вещи, что он чувствует не так, как она. Хотя ей до сих пор казалось, что они понимают друг друга без слов.

— Только не плачь, — попросил он. Слезы привели его в замешательство. — Мы что-нибудь придумаем. Завтра я через Риту передам тебе записку. Будь умницей.

Она закивала и попыталась улыбнуться сквозь слезы. Он стиснул ее пальцы, развернулся и побежал к реке.

Она стояла и смотрела, как его спина то исчезает за деревьями, то появляется вновь. У самой воды он оглянулся и помахал ей. Она в ответ взмахнула рукой.

После встречи с Юрой она возвращалась домой, словно

у нее на ногах были железные башмаки. На душе лежала тяжесть, хотя видимых причин для этого не было. Наверное, с ней что-то не так.

Или же правду говорят, что мужчины устроены совсем по-другому?

С тех пор как она полюбила Юру, вся ее внутренняя жизнь изменилась. Она думала о нем всегда, ежеминутно и уже не могла с прежним азартом отдаваться своим всегдашним заботам и забавам.

Например, воскресные обеды, прогулки в кругу семьи, дела, связанные с родней, которые совсем недавно занимали ее и радовали, теперь лишь обременяли. Хлопоты, подобные сегодняшним, связанные с приездом тетки, Лера теперь воспринимала как жертву со своей стороны, в виде залога своей встречи с Юрой. Да, она полдня будет примерной дочерью и племянницей, как они хотят, но потом станет тем, что есть – с Юрой. За награду встречи с возлюбленным она могла стойко терпеть все остальное. Но знать, что встречи не будет? И оставаться веселой, беззаботной, такой, как всегда?

Нет, она не сможет. Это выше ее сил.

* * *

Накануне отъезда Клавы генерал Подольский объявил, что повезет семью в ресторан. Клава покраснела от удоволь-

ствия и разохалась, не знала, куда себя деть от смущения, от обилия внимания, которое проявляло к ней семейство Подольских. Ее свозили на великолепную сельскохозяйственную выставку, потом – в Третьяковку, покатали по ночной Москве, а теперь вот везут в ресторан, как какую-нибудь важную гостью! Клава задыхалась от гордости.

На обед был приглашен дальний родственник Татьяны Ивановны, Борис Архипович Ключарев, врач от Бога, на которого Клава тайно молилась и которому, как она считала, была обязана жизнью.

Доктор Ключарев в ресторан приехал с женой и сыном-студентом.

Клава ужасно веселила генерала тем, что впадала в ступор, когда официант в белоснежной рубашке и атласном жилете предупредительно склонялся к ней и заглядывал в глаза. Клава подозревала, что официанта заранее предупредили, что она, Клавдия, «гостья столицы», как объявлял диктор в метро, и теперь официант всю старается ей услужить. Ей было неловко.

Убранство же ресторана – позолота портьер и белый мрамор колонн – приводило ее в совершенный трепет. Клава почти весь вечер молчала, храня богатство впечатлений, которые ей предстояло увезти с собой.

– Борис Архипович! – хитро посмеиваясь одними глазами, обратилась к родственнику Татьяна Ивановна. – Вы привели Клаву в совершенное смущение!

Все, включая и супругу доктора Розу Григорьевну, заинтересованно воззрились на провинциальную гостью.

– Что такое? – подняла брови жена профессора. – Здесь какая-то тайна? От меня что-то скрывают?

Клава совершенно стушевалась. Генерал лукаво подмигивал ей, а профессор отложил нож и вилку.

– О чем, собственно, разговор? – якобы не понял он, хотя в тайне любил упоминания о давних историях, как любой врач, когда затронута его профессиональная компетентность и в семейных преданиях фигурируют чудесные исцеления, казалось бы, безнадежных больных.

Сын профессора, серьезный юноша лет двадцати, слегка насторожился – видимо, решил, что здесь кроется что-то пикантное, и заранее испытывал неловкость за старших.

– Ну как же! Клава вашу фотографию дома вместо иконостаса держит. Вы не знали?

– Интересно, интересно... – пропела Роза Григорьевна, шаловливо погрозив профессору пальчиком.

Все оживились. Только Лера Подольская продолжала рассеянно катать по тарелке маслины. Вероятно, она была сейчас далеко отсюда. Девушка пропускала мимо ушей обращенные к ней реплики, не замечала долгих внимательных взглядов Олега Ключарева.

– Приехал как-то дядя Боря к нам в деревню погостить. Это было еще до войны. Вспоминаете, дядя Боря? – начала Татьяна Ивановна, придав голосу некоторую таинствен-

ность.

– Ну а как же? Мы с вашим батюшкой любили рыбку поудить...

– Ну так вот. Я хоть и совсем девчонкой в ту пору была, Клава-то постарше меня, но я помню!

Татьяну Ивановну никто не перебивал. Генерал знал эту историю наизусть, снисходительно покуривал трубочку, с некоторой иронией поглядывая то на Клаву, то на жену. Профессор слушал, скромно опустив глаза в тарелку.

– Стала вдруг наша Клава чахнуть ни с того ни с сего. Ничего вроде бы не болит, а вдруг, словно силы ушли из нее, сделалась вся худая, в лице ни кровиночки!

Клава перестала смущаться и краснеть и вдруг поддалась воспоминанию, глаза ее затуманились. Она размякла, только замороженно кивала в такт рассказу своей двоюродной сестры.

– Матушка моя, покойница, беспокоилась за нее. Посылала меня то молочка Клаве отнести, то яичек. Только у бедняги аппетит вовсе пропал. Есть перестала совсем.

Клава согласно кивала, лицо ее сделалось скорбным, она словно перенеслась в пору своей молодости, когда, надорвавшись на непосильной работе, без нормального питания и отдыха, вдруг потеряла силы. Ничто тогда не казалось милым ей. Она чувствовала, как день за днем жизнь уходит из нее. И одним лишь весомым желанием в ту пору было – спать. Спать, спать, спать... Наверное, так уходят

из жизни немощные старики. Но Клаве в ту пору было чуть за двадцать. Она бы и угасла как свеча, не соберись проведать дальнюю родню доктор Ключарев.

– Мама тогда и попросила Бориса Архипыча: посмотри, мол, Клаву. Ну, дядя Боря сразу согласился. Пошел, посмотрел.

– Ну а как же... Врач всегда на работе, – скромно вставил профессор, поглаживая маленькую круглую бородку. – Отчего не посмотреть?

– Ну, – нетерпеливо подтолкнула рассказ Роза Григорьевна. – И что? Ты вот так, без анализов, без рентгена, поставил диагноз?

Профессор, продолжая играть эдакого скромнягу, пожал плечами: что, мол, за глупые вопросы?

Роза Григорьевна взглянула на Клавдию с новым интересом. Здоровый румянец полной цветущей деревенской женщины шел вразрез с образом, который вырисовывала в своем рассказе Татьяна.

Клава почувствовала потребность вступить в беседу и впервые за весь вечер заговорила:

– Борис Архипыч посмотрел меня, послушал, а потом и говорит: «Снег, – говорит, – Клава, сойдет, отцветут яблони, и завяжутся на них крошечные яблочки. Совсем зеленые и горькие. Так вот ты, – говорит, – собирай их и ешь. Ешь, – говорит, – сколько сможешь.

– Ну, – нетерпеливо подтолкнула Роза Григорьевна.

Она впервые слышала эту историю, равно как и сын профессора, Олег. – Это знахарство какое-то... Неужели помогло?

– Как видишь! – прищелкнул языком профессор. – Настоящий врач не пренебрегает народной медициной. Железодифицитная анемия, заболевание коварное. Бывает...

– Разрешите, дядя Боря, я завершу нашу историю, – взяла бразды в свои руки Татьяна Ивановна, ловко избавляя слушателей от лекции по медицине. – Клава едва дотянула до весны. Как только появились эти самые яблочки, мы – я и мои подружки – стали рвать их и носить Клаве. Она по совету профессора давилась, но ела эту кислятину в неограниченном количестве. А потом, когда трава загустела, выползать стала в сад самостоятельно.

Клавино лицо покраснелось – то ли от вина, то ли от внимания. Глаза заблестели.

– У нас сады-то в низинке. Помните, Борис Архипыч?

Профессор кивнул. Очень, оказывается, приятно, когда у тебя с людьми общие воспоминания. Очень приятно.

– В низинке, у речки. Я телогрейку возьму, доплетусь кое-как до сада и лягу прямо на телогрейку свою, под яблоню-то. Насобираю яблочек вокруг и грызу их, грызу. Так и поправилась! И низкий вам поклон, доктор!

– За это надо выпить! – вступил генерал. – Предлагаю поднять тост за нашу советскую медицину и за врачей, достойных этого высокого звания!

Все подняли бокалы. Клава промокнула слезы салфеткой, зашмыгала носом. Профессор шутливо полуобнял пациентку. Роза Григорьевна похлопала ее по руке.

Все разом оживились, разговор переходил в новое русло.

– Да ну, что вы! Пустяки! У меня подобных случаев – сотни! – возражал профессор, весьма польщенный тостом.

– Не скажите! – отозвался генерал. – Ваш пример заразителен, профессор! Вот наша дочь, Калерия, прошу любить и жаловать, окончательно решила посвятить себя медицине. Что вы на это скажете?

Все обратили взоры на девушку, которая, судя по ее отрешенному лицу, пропустила весь разговор. Она с трудом силилась понять, чем вызвала столь бурный интерес.

– Решительно, Лера? – удивилась Роза Григорьевна. – Ты задумала сделать карьеру врача? Мы предполагали, что ты захочешь посвятить себя музыке...

Лера облегченно вздохнула, когда за нее ответила мать:

– Зачем обязательно музыке? Музыка – хобби. Для общего развития. А медицина – это серьезно. К тому же пример Бориса Архиповича, знаете, сыграл не последнюю роль!

– Я рад, рад, – признался доктор, пожимая девушке руку. – Чем могу, посодействую.

– Я надеюсь обойтись без содействия, – сдержанно проговорила Калерия, впервые за весь вечер явственно ощутив, как тягостно ей сегодня находиться в кругу семьи здесь, в ресторане. – Я буду готовиться и... если окончу школу с меда-

лью, то...

– Да, да, да, – торопливо поддержала мать, не понимая, отчего дочь сегодня такая колючка. – Лерочка идет на медаль, к тому же посещает научное общество по химии...

– Золотая молодежь! – всплеснула руками Роза Григорьевна. – Боря надеялся, что Олежек пойдет по его стопам, но сын выбрал карьеру дипломата...

– Мама! – подал голос отпрыск Ключаревых, заранее краснея за родителей. – Зачем ты...

– Олежек, это же свои люди. Они понимают, что пока рано судить. Но планы строить никому не возбраняется...

– Предлагаю тост за молодежь! – не сплеховал генерал, наливая дамам вино, а себе и профессору – водку.

– Да! – подхватила Татьяна Ивановна. – Пусть у них будет все, чего были лишены мы, родители. Пусть их минуют те испытания, через которые пришлось пройти нам...

– Пусть в них воплотятся все наши мечты! – с готовностью подхватила Роза Григорьевна.

Все с торжественными лицами выпили. За столом царило нерушимое единение. Обе семьи были уверены в том, что слова тоста непременно сбудутся. Ведь старшему поколению пришлось на своих плечах вынести войну. Теперь, через одиннадцать лет после победы, она казалась почти нереальной. Новой войны они не допустят! А больше ничто не сможет нарушить планов их прекрасных, умных, красивых детей. Так искренне считали генерал, профессор и их

преданные жены. Так считали и их дети, немного утомленные нудной обязанностью чинно восседать в кругу стариков.

Первой не выдержала Лера. Под предлогом «подышать» она вышла на широкий балкон, который смотрел на закованную в камень Москва-реку.

Это невыносимо. Теперь, когда Юра уехал, когда он так далеко, что не дотянуться, не докричать, просто ужасно продолжать играть эту опостылевшую роль! Делать вид, что она все та же наивная девочка, которая только и думает что о пятерке за контрольную... А она женщина! Она познала любовь. Горечь и прелесть любви, и теперь несет тягостное бремя разлуки...

Она вновь и вновь вспоминала день отъезда Кузнецовых. Вопреки просьбам Юры она пришла проводить его. Пришла не одна, с Ритой. Та не подвела, без нытья поднялась в шесть утра, натянула сарафан и вылезла в окно. Лера поджидала ее в саду. Они прошли по спящим улицам своего дачного поселка, зябко вздрагивая от прикосновений мокрой, росной травы.

– Как это романтично! – пробовала в свойственной ей восторженной манере восклицать Рита. – Он уезжает. Его зовут долг... Как там, у Светлова? «Гренада, Гренада, Гренада моя...» или еще: «Девушки ночами пишут письма, почтальоны ходят по земле...»

Лера разговора не поддерживала. Она вообще не могла разговаривать. Он уезжает! Уезжает далеко, за границу.

Это так чудовищно, так несправедливо!

Ведь сам Юра не может решать – ехать ему или оставаться. Он полностью зависит от родителей. Их разлучают, и ни одна живая душа не может понять, как ей тяжело! Даже Рита пытается шутить, тогда как Калерия едва сдерживает слезы.

Вот наконец зеленая, с голубым, дача Кузнецовых. У ворот – черная «эмка».

Девушки подошли в тот момент, когда Юрин отец усаживался впереди, рядом с водителем. Юра с матерью и братишкой сидели сзади. Увидев девушек, Юра нахмурился. Лера знала, что он будет хмуриться. Ведь ему тоже больно, как и ей, но он должен скрывать свою боль. Ведь он мужчина.

Она сделала невольное движение в сторону машины, но Рита одернула ее: «Подожди».

Рита щедро улыбнулась и помахала Юре. Он что-то сказал матери, и та что-то ответила. Юноша выбрался из машины. У Леры так колотилось сердце, что она думала – оглохнет от его ударов. Как только Юра подойдет, она упадет или умрет сразу. У него на руках. Но Рита опередила подругу – повисла у Юры на шее. Лера сначала ничего не поняла, зато Юра быстро включился в Ритину игру. Он обнимал Риту, а смотрел на Леру. Взгляд его был печальным. У нее перед глазами и теперь стоит его взгляд. Потом Рита отцепилась от него, и он обнял Леру. Только теперь, перебирая, как бисер, подробности прощания, она стала понимать, по-

чему Рита так сделала и почему он не хотел, чтобы она пришла проводить его.

Из глубин черной «эмки» на них смотрели Юрины родители и братишка.

На людях влюбленные не могли ничего сказать друг другу, не могли открыто проявить чувства. Да они, пожалуй, все сказали друг другу накануне, в голубятне Кузнецовых. Вчера она сама пришла к нему ночью, благополучно миновав сети Васенькиной сигнализации, темноту поселковых улиц, забор, лестницу, ведущую к голубятне. Голуби ворковали сквозь сон, а они двое лежали обнявшись на куче травы в углу голубиноного жилища и говорили, говорили...

– Ты будешь мне писать? – наверное, в сотый раз спросила она, вглядываясь в темноте в его блестящие глаза.

– Конечно, буду. Как устроимся, сразу напишу тебе, вот увидишь. Не надо плакать.

Но она не могла не плакать. Слезы сами текли, делая мокрыми и воротник Юриной рубашки, и его лицо.

– Может, завтра машина не приедет? – с надеждой вдруг фантазировала она. Ведь бывает, что отъезд почему-то задерживают. По непонятным причинам... Они люди военные, они не сами решают, когда ехать. А вдруг начальству подполковника Кузнецова захочется отменить приказ?

– Приедет, – уверенно возразил Юра, – грузовик с вещами уже отправили. Родители спят на полу. Отец за голубей переживает – пришлось отдать в чужие руки...

– Я буду их навещать! – горячо заверила Лера. Голуби – это ведь единственное, что остается здесь, в поселке, после Кузнецовых.

Голубятня, где они впервые поцеловались! Где вместе запускали в летнее выгоревшее небо голубей и наблюдали за их полетом. Лера полюбила этих птиц за одно только, что они Юрины. Теперь ей казалось, что она любила их всегда.

«Эмка» испустила истошный сигнал. Лера вздрогнула. Юра отстранил ее от себя.

– Прощайте, девочки, – сказал им с Ритой.

На что подруга игриво возразила:

– Зачем так мрачно? Нужно говорить «до встречи». Ведь через год ты приедешь поступать?

– Да, конечно. Рита, не оставляй Леру, – сказал он, отвернувшись и побежал к машине.

Рита подхватила подругу, которая еле стояла. Когда черная «эмка» тронулась, для Леры все погрузилось в туман. Рита довела ее до дома, который все еще спал, помогла перебраться через забор и проследила, чтобы подруга благополучно миновала террасу.

С этого дня Лера погрузилась в прострацию. До нее с трудом доходили обращенные к ней слова, она не сразу понимала вопросы, не могла понять, чего от нее хотят. Ей стало трудно общаться с людьми, она стремилась избегать компа-

ний.

Лера с облегчением вздохнула, оказавшись наконец в одиночестве на балконе. Думалось о том, что Москва-река впадает в другую реку, большую. А та – в море. А море несет свои воды к другим берегам... Вот если бы она была рыбой, то непременно нашла бы пути, чтобы доплыть к любимому. Юра иногда ласково называл ее голубкой... Вот если бы она действительно могла обернуться голубем, пересекла бы континент и нашла бы его. Она подлетела бы к дому, села на подоконник и клювом постучала в окно. Он увидел бы ее, и...

– Лера, как вы расцениваете визит главы нашего государства в Великобританию?

Лера не сразу сумела вынырнуть из своих непростых мыслей. Рядом с ней стоял Олег Ключарев и с совершенно серьезным лицом ждал от нее ответа.

– Простите, я не поняла...

– Ну, вы читали в газетах о визите Хрущева в Англию? Сейчас только об этом и говорят!

Лера не понимала восторга юноши. Она словно забыла уже, что Олег весь вечер сидел рядом с ней за столом. Никак не могла взять в толк, откуда он взялся.

– Не помню... Наверное, читала. А вы что об этом думаете?

Спросила только для того, чтобы отстал. А юноша, польщенный проявленным к нему интересом, принялся изла-

гать свое мнение:

— Я считаю, что это настоящий прорыв в советской дипломатии. Капиталистический мир не может не считаться с нами!

Лера не слушала. Она смотрела на реку, на улицу, по которой проползали овальные автобусы и шныряли многочисленные автомобили. Она чувствовала себя пленницей. Время тянется невыносимо долго. Скорей бы сесть в машину, приехать на дачу и оказаться в своей комнате! Там, в одиночестве, так сладко, и так больно перебирать драгоценные воспоминания!

Со стороны же их вялотекущая беседа выглядела как оживленный разговор. Олег то и дело поворачивался к ней, подкреплял свою страстную речь жестами, а она иногда кивала, хотя и не вникала в то, что он говорит.

— Как мило беседуют! — заметила Роза Григорьевна, наклонившись к Татьяне Ивановне.

Та согласно кивнула. Она тоже обратила внимание на уединение молодых людей и отнеслась к этому благосклонно.

— Им скучно с нами. Другое поколение.

Татьяна Ивановна вполне понимала собеседницу. У той сын единственный, как у них дочь. Мысленно выстраивая его будущее, та наверняка пыталась максимально вместить туда все свои материнские мечты.

То же и с Татьяной Ивановной. Пока дочь полностью оправдывала ее надежды. Была послушной, прилежной в учебе, активной и привлекательной внешне.

У девочки было все, о чем может мечтать ребенок. Татьяна Ивановна не любила вспоминать свое деревенское детство. А что там вспоминать? Булки сдобной не видели. Отец был весельчак, деревенский гармонист. Однажды его пригласили играть на свадьбе. Свадьба совпала с октябрьскими торжествами, в сельсовете его тоже ждали с гармошкой. Он выбрал свадьбу и поплатился за это лагерями. Вот тогда их семья познала настоящую нужду.

А потом, простудившись в поле, слегла мать, а потом...

Ее хорошие воспоминания начинаются с того момента, когда дядя Боря ее, осиротевшую, увез в Москву, познакомил с лейтенантом Подольским, и она почувствовала, что жизнь ее может коренным образом измениться. Подольский не только уцелел на войне, а вернулся с нее бравым молодым подполковником. У нее со временем появилось все, к чему она стремилась, – материальное благополучие, положение в обществе, даже некоторый блеск светской жизни, тот, который можно познать в высшей офицерской среде.

Единственное, чего не сумела получить от жизни Татьяна Ивановна, – это образование.

Вот этой поправки к судьбе страстно желала она для дочери. Слава Богу, к тому нет никаких препятствий. Девочка прекрасно учится, непременно поступит в медицинский. Ес-

ли Калерия, как мать, выйдет замуж за военного, профессия врача придется как нельзя кстати. В любом военном городке имеется госпиталь. А если Лерочка предпочтет гражданско-го, то сама сможет сделать карьеру.

Калерия – дочь генерала, и одно это обстоятельство уже является залогом ее блестящего будущего.

Так рассуждала Татьяна Ивановна Подольская, и мало нашлось бы таких, кто смог бы ей возразить. Статус жены успешного мужа давал Татьяне Ивановне ощущение собственной значимости, но все же... Если бы она имела высшее образование, как некоторые жены комсостава, это бы подняло ее еще выше, как полагала она. Ну ничего. Калерия восполнит этот пробел. Получит блестящее образование, выйдет замуж за человека их круга. Ну а внуки Подольских вообще будут жить при коммунизме!

Вечером Татьяна Ивановна поделилась некоторыми своими мыслями с мужем.

Петр Дмитриевич уже лежал в постели и читал газету «Красная звезда».

– Ты обратил внимание, Петя, как Олег смотрел на Лерочку? По-моему, они неплохо смотрятся вместе.

– Гм... – Петр Дмитриевич пожевал губами. – Не заметил. И тебе не советую забивать голову подобной ерундой! – Генерал снова уставился в газету. – Неплохо смотрятся! Надо же такое сморозить!

– А что я такого сказала? – удивилась Татьяна Ивановна. –

Дети симпатизируют друг другу. Разве это плохо? Олег – хороший мальчик, из хорошей семьи. Я же не говорю, что...

– «Хороший мальчик»! – передразнил Петр Дмитриевич. – Сосунок он! Рано ему еще на девочек заглядывать-ся! Пусть докажет сначала, на что способен, маменькин сынок! Я в его годы курсантом в тоненькой шинельке по плацу, и марш-бросок, и все лето в полевых условиях... А он еще пока...

– Господи, Петя! Ну ты уж совсем... Что ты завелся? С чего, не пойму? Я же просто так сказала... Я к тому, что Лерочка уже почти выросла, и когда-нибудь...

– «Выросла»! – снова передразнил генерал, в раздражении комкая газету. – Она дитя еще совсем, а ты искусственно ее взрослишь! Зачем ты позволяешь ей надевать каблуки? Это ей осанку испортит! Опять же эти намеки про молодых людей... У нее и в мыслях нет, а ты ее толкаешь! Она ребенок! И никакими глупостями ей раньше времени голову не забивай!

– Я? Глупостями? – Татьяна Ивановна растерялась от неожиданного натиска мужа. – Что с тобой, Петя, я не пойму? Я просто думаю о будущем... Я мечтаю, а ты... Я горжусь дочерью, а ты обвиняешь меня бог знает в чем...

Татьяна Ивановна не смогла сдержать слез. Она запахнула халат, отошла к окну, отвернулась. Генерал понял, что переборщил. Ну в самом деле, чего он хочет от Татьяны? Она всего лишь мать. В конце концов, взял ее деревенскую, а ждет

от нее интеллигентности, тонкости этакой...

— Я тоже горжусь нашей дочкой, — смягчился Петр Дмитриевич. — Она у нас красавица, умница и серьезный человек. Я уверен, ей и в голову не приходит то, что тебе. Лялька вся в меня!

Генерал рассчитывал, что жена воспримет последнее замечание как шутку, посмеется вместе с ним и перестанет дуться. Не тут-то было. Со стороны окна слышались всхлипывания. Петр Дмитриевич глубоко вздохнул.

Честно говоря, он не понимал, как можно быть такой нечуткой, как Татьяна. Ведь он не раньше как пару дней назад признался ей, что наконец закончил очень важную работу. Главнокомандующий поручил именно ему разрабатывать проект решения, касающийся размещения наших войск на Западе. Что подал свою работу в генштаб и, конечно же, там ее сейчас рассматривают самым тщательным образом. Вчера у него весь вечер горело лицо, и он буквально физически ощущал, как кто-то читает его работу. Он искренне не понимал, как можно сейчас думать о чем-то другом, говорить о каких-то мальчиках, девочках! Ведь от судьбы плана зависит его дальнейшее продвижение по службе. А она ни разу не спросила, не поинтересовалась.

Конечно, она всего лишь женщина... Но она жена офицера, черт подери!

Петр Дмитриевич крикнул и сел на кровати. Встряхнул газету и аккуратно сложил ее вчетверо. Конечно, он к ней при-

дируется. Помнится, когда привез ее, девчонку, на их первое место службы, она спросила его: «Что я должна делать, чтобы ты был доволен?» Так и спросила, он это хорошо помнит. И говорок ее по-южному мягкий, смешной помнит. И глаза наивные. И он ей сказал: «Я, Таньча, намерен дослужиться до генерала. А ты должна соответствовать». Он, конечно же, преувеличивал немного, но оказался прав.

А Татьяна все восприняла всерьез, старалась. И у нее получалось. Он только диву давался: стол накроет с сервировочкой, салфетки накрахмалит, посуду начистит. Все подмечала, всему училась. Дома всегда чисто, уютно. Какие-то салфеточки кругом, подушки вышитые. Все эдак ловко у нее получается, он за это ее всегда ценил. А тут, незадача, погорячился. Придется теперь подлизываться...

Подошел к жене.

– Таньча, ну не дуйся... – заговорил он своим обычным, домашним тоном. – Я нервничаю немножко из-за своей «стратегии»... Ты же знаешь, у меня есть недоброжелатели, которые будут рады втоптать в грязь... Любой промах – повод для насмешки...

Жена молчала, не меняя позы. Петр Дмитриевич обнял ее за плечи.

– А сколько у нас блатных! Сколько карьеристов, блюдолизов, которые не то что план-обоснование для главнокомандующего разработать, рапорт грамотно составить не в состоянии!

Татьяна Ивановна понимающе кивнула. Да, таких полно, и все они завидуют блестящему уму и предприимчивости ее мужа.

– От решения комиссии многое зависит, Танечка, – мягко продолжал генерал, – и я сейчас ни о чем другом не могу рассуждать.

– Да, я понимаю, – наконец согласилась супруга. – А тут у нас гости... Таскаем тебя по Москве...

– Нет, я рад, ты же знаешь, я всегда рад... Но наверное, я устал, дорогая. Простишь меня?

– Ну куда ж деваться? – сдалась Татьяна Ивановна и добавила: – Хотя я уверена: ты совершенно зря нервничаешь. Твой план признают блестящим, его одобрит главнокомандующий.

– Ах ты моя предсказательница!

Генерал легко поднял жену и отнес на кровать. Газета была забыта, «стратегия» до утра – тоже. Как любил говаривать генерал, супруги предались «забавам молодости».

Ноябрь принес в Москву ветры, которые, совершенно ошалев, носились по арбатским переулкам, срывая последние листья с деревьев и бросая их на мокрый булыжник и асфальт.

В скверах и парках неустанно работали дворники, сгребая листву и подметая дорожки.

Рита Малышева бежала по Садовому, подняв воротничок

пальто и придерживая руками беретку. Несмотря на сюрпризы осенней погоды, Рита отчаянно любила праздник 7 ноября. Улицы, украшенные флагами и транспарантами, марши, доносящиеся из громкоговорителей отовсюду, постовые в парадной форме, вымытые дождем машины и народ – с шарами, с флажками, спешащий к Красной площади... Красотища!

Потоптавшись у подъезда Подольских, Рита быстро замерзла, но уходить с улицы не хотела, лучше подождать подругу тут. Толстая, укутанная в телогрейку, в белом фартуке мороженщица катила свою тележку. Рита поколебалась секунду, кинулась к тележке и купила эскимо. Теперь она вынуждена была зайти в парадное, чтобы в тепле насладиться мороженым.

Подружка задерживалась. Рита про себя обозвала Калерию копушей и развернула фольгу. Больше всего она любила откусывать тонкий, быстро покрывающийся мелкой росой шоколад.

Прошумел лифт. Рита приготовилась было выговаривать подруге за опоздание, но двери лифта плавно разъехались, и вышла вся семья Подольских, в полном составе. Генерал в парадной шинели и каракулевой новой папахе, погоны сверкают позолотой. Рита едва не зажмурилась от столь головокружительного блеска. Не менее сногшибательно выглядела и мать Калерии. Поверх длинного буклированного пальто была наброшена накидка из черно-бурой лисы, а руки

Татьяны Ивановны спрятаны в такой же черно-бурой муфточке. Шикарно! Рита чуть не поперхнулась эскимо. Подруга маячила позади родителей с совершенно постным лицом.

– Здравствуй, Рита. Что же ты не поднялась? – пропела Татьяна Ивановна, благосклонно улыбаясь, наверняка хорошо осознавая свое величие и блеск.

– С праздником, Татьяна Ивановна! С праздником, Петр Дмитриевич! Какие вы... ослепительные! – затараторила Рита, искренне расширив восхищенные глаза.

Пропустив вперед чету Подольских, Рита пристроилась к хмурой Калерии.

– Ты что так долго? – зашипела она той в самое ухо. – Мы можем опоздать.

Лера как-то странно взглянула на нее и ничего не ответила. Зато отозвался генерал:

– Я скажу Васе, он отвезет вас, девочки. Нехорошо подводить коллектив.

– Нет! – почти вскрикнула Калерия. Родители обернулись на ее голос. – Мы пешком, тут ведь совсем рядом! Мы бегом, правда, Рита?

Та удивленно вытаращилась на подругу. Что это значит? Конечно же, быстрее в машине. К тому же Вася... Лерка знает, что водитель Подольских симпатичен Рите, и вообще... В машине теплее, в конце концов!

Рита так думала, но возразить не решилась. Слишком уж упрямое и решительное выражение лица было у подруги. Ве-

роятно, поругалась с родителями. Бывает... Хотя с такими родителями – ругаться?

У Риты отец ученый. Тоже величина. Но он почему-то совсем не любит никакого блеска, сидит в своем кабинете над своими колбами и иногда с непомерным удивлением взглядывает на нее, Риту. Будто недоумевает: откуда она, такая большая, взялась. Она твердо решила выйти замуж только за военного, потому что погоны и парадная форма просто сводят ее с ума.

У подъезда стояла кофейная «Победа». Вася Никоненко с сознанием собственной важности распахнул дверцы поочередно для Татьяны Ивановны и генерала. О! Рита мгновенно представила себя на месте Леркиной матери. Как бы она в меховой муфточке, рядом с генералом... Шик!

Но подруга дернула ее за рукав, и они, помахав вслед «Победе», побежали дворами к школе.

– Копуша! – буркнула Рита на бегу.

– Я вообще идти не хотела! – объявила Лера.

– Заболела, что ли?

– Да ну! Холодно, и вообще... Кому это надо? Будем сейчас как дураки флажками махать...

– Ты что? – удивилась Рита. Они пришли. За воротами их женской школы толпился народ, уже подъехал первый автобус. – Это же... парад! – Она не находила слов, не могла понять подругу. – Вся страна сейчас празднует! И потом – мы же в колонне, мы же не просто так...

– Девочки! Как нехорошо опаздывать! – К ним неслась их классная, которую за глаза все звали Метелкой. – В класс! В класс переодеваться! Лера, не ожидала от тебя!

Лера испуганно взглянула на классную. Рита не поняла этого Леркиного испуга. Нашла кого пугаться – Метлу. Не ожидала... А от нее, Риты, она, значит, ожидала?

В классе лежали их костюмы – белые футболки с рукавами и синие шаровары.

Рита сразу же забыла про Метелку, в считанные секунды скинула коричневое школьное платье и облачилась в костюм. Покрутилась юлой возле доски, схватила щетку, одиноко торчащую в углу, и вскочила на стул.

– Композиция «Девушка с веслом»! – провозгласила она и хлопнула в ладоши.

На подругу почему-то не произвел никакого впечатления ее артистизм. Калерия все еще возилась с шароварами. Что это с ней? Веселая, грациозная Лерка вдруг превратилась в неуклюжую хмурую копушу. Рита решительно отказывалась понимать подругу.

– Что с тобой, Лер? Какая муха тебя укусила? Ты что, в спячку ушла, как медведь?

Рита соскочила со стула и попыталась помочь подруге. Та безучастно опустила на стул.

– Рита... а вдруг с ним там что-нибудь случилось? – наконец проговорила Лера, не поднимая на подругу глаз. – Ведь бывает, самолеты разбиваются, поезда тоже...

– Так ты это из-за Юры? – дошло наконец до Риты. – Так и нет ни одного письма?

Лера обреченно покачала головой.

Вид подруги определенно не нравился Рите Малышевой. Она, конечно же, тоже мечтала о любви. Но если любовь так опустошает человека, делает его неузнаваемым... то лучше не надо!

Любовь Рита представляла себе по-другому. Любовь – это когда вагоны, полные молодежи, летят далеко, например, покорять Забайкалье, и двое под веселый гитарный напев смотрят друг на друга тайком.

Или когда девушка-студентка стучит каблучками по мосту, спешит в сторону Центрального парка культуры и отдыха, а молодой человек в красивой военной форме ждет ее у главного входа. В одной руке у него цветы, а другую он то и дело вскидывает к глазам, посматривая на часы. Любовь – это...

– Он сказал, что сам напишет мне... Я бы написала первая, но у меня даже адреса нет! Когда он уезжал, то не знал адреса, Рита!

В голосе Калерии слышалось столько отчаяния, что Рита поежилась и столбом встала напротив подруги. Она знала нечто, о чем не сказала пока Лерке. Ждала. Теперь, не в силах вынести страданий близкого человека, сказала как можно небрежнее:

– Кажется, я знаю, у кого можно спросить их адрес.

– Девочки! Бегом вниз! – Перекошенное лицо Метелки показалось в дверях. – Мало что опоздали, еще расселись как кумушки, болтают! Возьмите цветы у старосты!

Рита соскочила с парты, на которой уселась только что, и заметила, как побледнела подруга.

– Бегом, бегом...

Девочки молча покинули класс и бок о бок быстро прошли по коридору.

– Юрина мама переписывается со Звягинцевыми. Они в нашем доме живут, и...

– Рита! Попроси у них адрес! – Брови Калерии болезненно взлетели вверх.

– Конечно, – заверила Рита. – Да не волнуйся ты так! Вон какая бледная...

Лера, услышав новость от подруги, уже не могла ни воспринимать что-либо, ни думать о чем-то, кроме того, что сказала Рита.

Красная площадь, трибуна, колонны – все слилось для нее в какую-то нудную киноленту. Сама она, когда шла в колонне с девочками, делала свои движения совершенно механически и не путалась лишь потому, что все было много раз, до отупения, отрепетировано.

Она шла в своей колонне, взмахивала бумажными цветами, но ее как бы и не было здесь. Она не чувствовала холода, хотя люди стояли в плащах и с зонтами; не слышала призывов, которые гремели над площадью. Только одно

то, что Юрина мама спокойно переписывается с подругой, что Юра не умер, не разбился, не исчез с лица земли, а просто почему-то не пишет ей – одно это стучало у нее в голове сначала молоточком, а потом молотом по наковальне.

Сначала Лера смогла воспринять эту новость только одной гранью. С Юриной семьей все в порядке, и есть источник, где можно раздобыть адрес. Теперь же Ритино известие вошло в ее сознание в полном объеме, и она поняла, что у новости, как у медали, две стороны.

Когда девушки в синих шароварах прошли площадь и скомканную, сбившуюся их колонну подвели к автобусам, Калерия Подольская упала на руки своих одноклассниц. Поднялся переполох, который умела поднимать Метелка. И хотя у школьной медсестры нашелся нашатырь и Подольскую быстро удалось привести в чувство, все же этот случай грозил обернуться скандалом. Выручила все та же Рита.

– Я провожу ее, Анн Семенна! – затараторила она, преданно заглядывая в глаза классной. – Ей с утра нездоровится, поэтому мы и опоздали. Лерины родители даже не хотели пускать ее, но она же комсомолка, активистка! Она говорит: «Парад – дело политическое, и я, как комсомолка, обязана...»

– Ладно, Малышева, все понятно. Только проводи до самого дома, – строго приказала Метелка, глядя Рите в глаза из-под очков. – А ты, Подольская, смерть температуру, выпей

чаю с малиной и сразу – в постель.

Раздав инструкции, Метелка оставила их в покое и отошла с чувством исполненного долга. Автобус довез девочек почти до самого дома. Рита намеревалась довести подругу до дверей, сдать с рук на руки благоухающей духами Татьяне Ивановне и заодно напиться чаю с плюшками, которые так вкусно стряпает домработница Подольских. Но Калерия ошарашила ее новым заявлением:

– Рита, ты со мной не ходи.

– Это как же? А если ты опять...

– Нет, не ходи! Ты лучше беги к Звягинцевым и поскорее возьми у них адрес. Я буду ждать.

– А как же...

– И родителям моим – ни слова о сегодняшнем. Поняла?

– Почему?! – искренне удивилась Рита. – А вдруг у тебя что-то серьезное?

– Глупости. Я не хочу, чтобы из-за меня попало Анне Семеновне.

– Метелке? А она-то при чем?

– Она отругала нас за опоздание, я расстроилась, и поэтому...

– Ты расстроилась из-за Метлы?! – вытаращилась на нее Рита. Но подошел ее трамвай, девушка побежала на остановку, успев лишь махнуть подруге на прощание береткой.

Лера дотацилась до своего подъезда и вызвала лифт. Она могла долго водить за нос кого угодно – вечно занятую

собой мать, поглощенного новым проектом отца, обеспокоенных дисциплиной и успеваемостью учителей, радующуюся жизни подружку, но... Лизу? Вездесущую домработницу, добровольную няньку, которая учила маленькую Лерочку застегивать пуговики и завязывать шнурки на ботиночках? Лизу провести было трудно.

Едва Лера переступила порог отчего дома, а точнее – огромной четырехкомнатной квартиры, Лиза заметила неладное.

– Что стряслось, касатка моя? – забеспокоилась она, принимая у девушки плащ и косынку. – На тебе лица нет.

– Замерзла немного, – более-менее ровно ответила Лерочка, не в силах заставить себя улыбнуться.

Лиза с сомнением покачала головой. Она бы продолжила допрос, если бы ей не показалось, что из кухни доносится звук, которого быть не должно.

– Что это ты готовишь? – спросила Лерочка с выражением страдания на лице. По квартире гуляли запахи будущего праздничного стола.

– Гуся! – крикнула Лиза. – Гуся с гречневой кашей... Ох, окаянный... Дымит!

Лиза принялась устранять неполадки, продолжая при этом громко разговаривать с Лерочкой.

– Гости придут! – охотно пояснила она, радуясь возможности поговорить всласть. – У папеньки нашего радость. Планы его утвердили, Лерочка, и самый главный начальник

Петра Дмитриевича похвалил его окончательно. Петр Дмитриевич велел готовить парадный обед. Готовь, говорит, Лизавета, гуся и пироги с палтусом. Ну это уж как он любит. Татьяна Ивановна, как водится, заказала салат «Столичный», я уж нарезала целую кастрюлю. Как велено – мелко-мелко. А вот гусь меня чуть было не подвел...

Наконец она оглянулась – Леры рядом не было. Лиза, немедленно припомнив бледный вид девочки, отправилась искать ее по квартире. Ни в столовой, ни в своей комнате Леры не оказалось. Подталкиваемая какими-то неизвестными силами, Лиза приблизилась к ванной. Постояла, прислушиваясь, и открыла дверь.

Лерочка, скрючившись, стояла над ванной. Ее бледное, обезображенное гримасой страдания лицо говорило само за себя. Лиза заглянула в ванну. Не сдержалась, охнула. Ее испуг мгновенно передался обессиленной девушке. На глаза выступили слезы.

Лиза включила воду, помогла девочке умыться и убрать в ванной. Молча они пришли в Лерочкину спальню.

– Гусь, наверное, несвежий, – виновато взглянув на Лизу, предположила Лера и закуталась в шерстяной плед. – Пахнет так...

Лиза покачала головой. Она задумчиво смотрела на свою любимицу и сопоставляла случайные наблюдения, которые раньше все оставляла на потом, не додумывая до конца. С самого сентября Лерочка начала казаться другой, не такой,

как всегда. Щечки, обычно розовые, как бочок не сильно спелого персика, вдруг осунулись, побледнели... Куда-то исчезли ямочки, появляющиеся вместе с улыбкой. Теперь Лиза поняла куда – ведь исчезла и сама улыбка. Лерочка больше не заливалась смехом, как раньше, а родным она свою серьезность объясняла подготовкой к предстоящим выпускным экзаменам.

Лизе вдруг представился весь ужас возможного несчастья. А если их Лерочка серьезно больна?! Если она начнет чахнуть, как бедная Клава, – ни с того ни с сего? Отказываться от еды, худеть и терять силы? Нужно же срочно принимать меры!

Лиза метнулась в столовую, но Лерочка проворно догнала ее, повисла на плече:

– Лиза, куда ты? Что собираешься делать?

– Звонить нужно! Родителей разыскать, доктору позвонить, который Клаву вылечил. Ты нездорова, детка... Я сейчас, я мигом...

– Нет! – закричала Лера и совершенно безумными глазами потащила Лизу назад, в свою комнату. – Не надо звонить, Лиза, пожалуйста! Я прошу тебя, посиди со мной!

Лерочка заплакала, прижалась к Лизавете, а та испуганно гладила ее по спине и сжималась от жалости и страха за свою любимицу.

Лерочка сидела на кровати, закутавшись в плед, и держала Лизу за руку. Та пристроилась рядом, сбитая с толку.

Несмотря на свою домовитость и хозяйственность, которую обнаружили в ней еще в юные годы, Лиза оставалась совершенно неискушенной в делах амурных. Сколько себя помнит, она всегда что-то готовила, стирала, штопала, заготавливала, мыла, солила, сушила, убирала. Лизе не довелось побывать замужем, и когда ей перевалило за тридцать, то за ней среди далекой немногочисленной родни в курской деревне закрепилось звание старой девы. Звание это Лизу ничуть не огорчало, и она знала, что так называют ее те, кто черной завистью завидует ее счастью. Лиза была довольна своей московской жизнью, и ни на что не променяла бы ее никогда. Но, оставаясь в некотором смысле младенчески чистой, Лиза теперь не могла взять в толк, что же стряслось с ее любимицей и как поступить ей, Лизе.

Она не придумала ничего лучше, как начать уговаривать Лерочку, словно малого ребенка. Дескать, нужно показаться доктору, тот выпишет лекарство, Лерочка выздоровеет и станет снова здорова и весела.

Лера слушала Лизин лепет, держась с нею за руки. Ей было сейчас все равно, что говорит Лиза, но было немного легче уже от того, что добрый человек греет ее своим душевным теплом. В какой-то момент нервы не выдержали, и она разрыдалась, уткнувшись в теплое Лизино плечо.

– Я не больна, Лиза, – сквозь рыдания выговорила она. – Я... мне кажется, я... у меня уже давно нет месячных!

Самым трудным оказалось выговорить эти слова. Теперь

она смотрела исподлобья на ошарашенную Лизу и ждала ее реакции. Лиза с реакцией запаздывала. Она смотрела на Леру и молчала. Она никак не могла сопоставить ту крепышку Лерочку, что за обе щеки уплетала плюшки с киселем, с тем, что сейчас услышала.

Лерина тайна придавила Лизу.

– Лерочка... как же это... случилось? – только и смогла выдавить Лиза, прикрыв рот краем фартука.

– Я люблю одного человека, – сказала Лера, с удивлением обнаружив, что теперь ей уже легче говорить. Лиза невольно становилась соучастницей, пока не подозревая об этом. – И мы... у нас была близость. Он тоже меня любит, Лиза!

– Где же он теперь? Почему ты не познакомишь его с родителями?

– Он уехал! Он очень далеко уехал, Лиза! И он ничего не знает...

– Нужно сказать Татьяне Ивановне, – промолвила Лиза, и тогда они обе понимающе уставились друг на друга.

– Нет! – вскрикнула Лера и схватила домработницу за плечи. – Ничего не говори! Не смей!

– Но как же, Лерочка...

– Мы потом, Лиза. – Лерочка говорила горячо, напористо, и Лиза совсем растерялась. Лицо девочки блестело от слез. – Сначала я должна написать Юре. Он ведь ничего не знает. Рита принесет его адрес. Пока ничего не говори! Папа убьет меня! Нет, нет! Это потом!

Лиза и сама начинала представлять, что поднимется в доме, узнай они о случившемся. Но и прятать такое нельзя...

– Лизонька! Я прошу тебя! – умоляла Лера, видя, что та колеблется. – Я ведь так тебя всегда любила! Неужели ты выдашь меня теперь, когда мне так плохо, так одиноко! Лиза, я умру тогда, я не вынесу!

Лиза не могла слушать такие слова. Она почувствовала, как горячие слезы начали катиться по щекам. Крепко прижала к себе дрожащую, словно воробей, Лерочку.

– Нет, касатка моя, не бойся. Я всегда буду с тобой, маленькая, – приговаривала она, целуя свою любимицу в макушку. – Я не выдам. Пиши своему милому, подождем. Все образуется... Все будет хорошо...

В этот день Калерия не вышла к гостям, а вечером к ней прибежала Рита Малышева, и они весь вечер шушукались в Лериной комнате.

В конце месяца генерала Подольского провожали в командировку.

– Еду, дочка, на местах смотреть воплощение своего плана! – говорил генерал, прохаживаясь по небольшой, но светлой комнате дочери. – Ответственно, конечно, но и честь большая...

– Ты поедешь в Европу... – полувопросительно проговорила Лерочка, изо всех сил сжимая в пальцах учебник биологии. Она представила, что отец совсем скоро будет так ря-

дом с Юрой, возможно, будет разговаривать с его отцом... У нее перехватило дыхание. – Как бы я хотела поехать с тобой!

– Будет, дочка, в твоей жизни еще и Европа, и все. Учись только хорошенько, не подведи батьку... – своим обычным, смешливым тоном прогремел генерал. – Осталось всего ничего, большая уже...

– Папа, – вдруг заговорила Лерочка, опустив глаза в пол и поставив на колени учебник. – Ты всегда будешь любить меня? Всегда-всегда?

– Что за вопросы, маленький? – не понял генерал и остановился посреди комнаты.

Он внимательно взглянул на дочь. Бледный профиль, закутанная в шаль фигурка. Вроде бы дома тепло, а она мерзнет. Как-то не может он привыкнуть, что дочь уже барышня. Ему удобнее говорить с ней как с маленькой. Пробираешь как со взрослой – она вдруг задает странные вопросы. Нет, лучше как с маленькой.

– О чем ты, Лелик, не пойму? – Генерал часто называл дочь детскими именами. Но тут дочь вскинула на него глаза, полные слез. Он поспешил уверить: – Конечно же, я всегда буду любить тебя, котенок! Как же иначе?

– А если... если, папа, я не оправдаю твоих надежд? Тогда...

– Ах вот ты о чем! – всплеснул он руками. Он взял маленькую детскую табуреточку, что стояла у дочкиной кро-

вати, подвинул поближе, сел. – Ты о медали... – протянул он и тоже взялся за выставленный как щит учебник. При этом его большие грубые пальцы накрыли дочкины – тонкие и нежные. – Знаешь, золотая медаль – оно, конечно, хорошо, но это не главное. Есть в жизни вещи поважнее...

Лера с надеждой вскинула глаза на отца:

– Какие вещи, папа?

– Петя! Машина пришла! – Татьяна Ивановна заглянула в комнату.

Генерал потрепал дочь по голове и поднялся:

– Думаю, ты сама знаешь.

– Не омывай отца слезами, – одернула мать. – Не на войну отправляем!

Началась суматоха последних минут, наставления, просьбы. Никто не обращал внимания на заплаканную девушку, которая льнула к отцу, но у которой уже не было шансов остаться с ним наедине хотя бы минуту.

Поезд ушел. Мать и дочь вернулись с вокзала домой. Квартира показалась им огромной и пустой. Громко стучали настенные часы в гостиной, шумно опускалась гирька на цепочке. Было слышно, как простучал копытами по мостовой патруль конной милиции.

– Лиза, поставь самовар, – размякшим голосом попросила Татьяна Ивановна. – Посидим втроем, посумерничаем...

В прихожей раздался звонок. Лиза пошла открывать.

Когда Лера выглянула в коридор, увидела домработницу с конвертом в руках. Та крутила конверт, словно была не в состоянии понять, что это такое.

– Лиза, это мне! Мне?

Лера выхватила конверт, глазами схватила имя на конверте, покраснела, побледнела, прижала письмо к груди и побежала в свою комнату. Лиза слышала, как щелкнул дверной замок.

– Лиза, что за шум? Кто приходил? – Татьяна Ивановна выглянула из комнаты.

– Почтальон приходил. Письмо для Лерочки, – тихо ответила Лиза и, не глядя на хозяйку, поспешила шмыгнуть на кухню.

– Какое письмо? От кого? – Татьяна Ивановна толкнула дверь в комнату дочери, но та оказалась заперта. Она пожала плечами. В ожидании чая Татьяна Ивановна уселась за свою работу – она крючком вязала новую салфетку на стол. Навыки, полученные в деревенском детстве, Татьяна Ивановна сумела превратить в хобби и теперь с удовольствием рукодельничала, украшая дом. Повсюду лежали белые крахмальные ажурные скатерти и салфетки, что придавало убранству одновременно простоту и шик.

Отъезд мужа в заграничную командировку несколько расстроил ее. Не то чтобы Татьяна Ивановна оказалась к нему не готова, не в этом дело. Нужно признаться, ей весьма хотелось самой сопровождать Петра Дмитриевича. Ведь для нее

командировка мужа могла стать увлекательным путешествием. Она любила бывать за границей. Особенно Татьяну Ивановну привлекали магазины. Маленькие лавочки в полуподвальных помещениях, с колокольчиками при входах. Спустишься в такую лавочку, и словно в другой мир попал. Сколько красивых вещей! А продавцы? Даже ни слова не понимая по-русски, они умудряются угадать каждое твое желание. Не то что в наших магазинах! Татьяна Ивановна помнит историю каждой вещи, купленной *там*. Помнит все магазинчики и даже запахи, царящие в той или иной лавке. Сколько *там* вещей, которые и не снились нашим товароведам! Да, неплохо было бы теперь на полгодика отправиться вместе с мужем в Европу! Но как оставить дочь накануне выпускных экзаменов? Об этом не могло быть и речи. Золотая медаль – дело серьезное. Можно представить, сколько найдется желающих почесать языки, если, не дай Бог, Калерия срежется на экзамене или по конкурсу не пройдет в институт! Нет уж, Татьяна Ивановна этого не допустит. Она будет рядом и за всем проследит.

– Лиза, я чаю дождусь?

Татьяна Ивановна вдруг ощутила непривычную тишину в квартире. Даже часы вроде стали тише себя вести. Затихло все, как бывает в природе перед грозой. Она отложила вязанье, вышла в коридор и увидела домработницу. Та держала самовар, но весь ее корпус был вытянут в струнку и устремлен в сторону двери Лерочкиной комнаты. Лиза как будто

силилась что-то услышать. Заметив хозяйку, Лиза отпрянула от двери и быстро засемила в гостиную.

Татьяна Ивановна подошла, послушала тоже. Из комнаты дочери не доносилось ни звука.

– Лера, дочка, ты спишь?

Татьяна Ивановна не могла подыскать другого объяснения неестественной тишине в комнате. Ничего не понимая, Татьяна Ивановна оглянулась и тотчас увидела обеспокоенную Лизину физиономию.

– Лиза, ты можешь мне объяснить, что происходит? Ты что-то знаешь, чего я не знаю?

Домработница еще больше смешалась, глаза у нее забегали, и Татьяну Ивановну впервые в тот вечер кольнуло предчувствие беды.

– Лиза, ты знаешь, от кого она получила письмо?

– Я?! Нет! Только Лерочка давно письма ждала, и вот оно пришло, – заикаясь, выпутывалась домработница.

– От кого она письмо ждала? – Брови Татьяны Ивановны сошлись у переносицы. – Говори толком!

– От... молодого человека, – икнула Лиза, отступая к круглому столу, накрытому белой скатертью с вязаными краями.

– От какого такого молодого человека? – опешила Татьяна Ивановна. – У Калерии есть молодой человек?

– Татьяна Ивановна, – наконец не выдержала Лиза. – Вы бы открыли дверь-то. Не к добру Лерочка там притих-

ла...

По тону, каким было сделано последнее замечание, по выражению лица домработницы, в котором читался неподдельный страх, Татьяна Ивановна поняла, что медлить нельзя. Она дернула ручку двери.

– Лера, открой немедленно!

– Лерочка, касатка, открой, деточка, – подпевала Лиза из-за плеча хозяйки.

– Лера, не заставляй меня ломать дверь! – не на шутку встревожилась Татьяна Ивановна. – Дочка! Объясни маме: что случилось?

– Татьяна Ивановна! Ключ! Ключ запасной!

Лиза шмыгнула на кухню и вернулась со связкой ключей. Мешая друг другу, женщины кинулись выбирать ключ. Долго копались, пытаясь справиться с замком. Наконец удалось открыть – дверь со стуком распахнулась. Лера сидела на своей кровати, безучастно уставившись в одну точку.

– Лерочка! Ну разве так можно? – кинулась мать к дочери, вглядываясь в ее застывшее маской лицо. Лицо это не выражало ничего, кроме тупой покорной душевной боли. – Да что это с ней? Лиза! Что же ты стоишь? Сделай что-нибудь!

Лиза вся тряслась, с перекошенным от сострадания лицом она кинулась к своей любимице, схватила за руки:

– Лерочка! Очнись, касатка! Не смотри так!

– Лиза! Воды! Воды скорее! – взвизгивая от волнения, приказала Татьяна Ивановна и, пока та бегала на кухню,

трясла дочь за плечи.

– Вот вода...

Мать выхватила стакан, набрала полный рот воды и брызнула в лицо дочери.

Лера словно очнулась от дурного сна, дернулась, с недоумением взглянула на близких, закричала:

– Уйдите! Отстаньте от меня! Что вы меня мучаете? Дайте мне побыть одной! Уйдите!

Татьяна Ивановна в ужасе смотрела на дочку. Ее Лерочка, которая всего лишь час назад была кроткой и послушной, сейчас билась в истерике и вытворяла непонятное.

Лиза не растерялась, обхватила Лерочку, прижала к себе сильными руками и стала приговаривать что-то той на ухо, тихо и настойчиво. Татьяна Ивановна обнаружила, что стоит на листке бумаги. Подняла его и сразу поняла, что это и есть злополучное письмо – причина случившегося. Письмо было написано мелким неразборчивым мужским почерком. Но она отчего-то довольно легко разобрала этот почерк. Содержание послания оказалось незатейливым.

«Да, мы любили друг друга... Но все кончается, и первая любовь тоже. Я всегда буду тебе благодарен за прошлое лето, но нам лучше все забыть. Ту проблему, о которой ты пишешь, я советую тебе поскорее решить. Думаю, ты догадываешься – как. Не пиши мне больше, жизнь нас развела, и мы должны смириться».

Дойдя до этого места, Татьяна Ивановна остановилась. Первые строки письма ее абсолютно не тронули. Она даже было слегка успокоилась, поняв, что дочь подняла бурю из-за неразделенной любви. Но строчка о проблеме, которую нужно скорее решить, насторожила ее. Она перечитала это место еще раз, еще и еще... Потом оглянулась на дочь. Догадка, нет, слабое предположение шевельнулось в мыслях, и она посмотрела на своего ребенка бесстрастными глазами постороннего.

Бледное, осунувшееся лицо, коричневые круги под глазами... Припухшие губы, казалось, утратили свои обычные четкие очертания – то ли от слез, то ли...

Татьяна Ивановна ощутила острую потребность увидеть дочь целиком, всю, внимательно посмотреть и убедиться, что тревога напрасна, что...

– Лиза! Отойди от нее!

Лиза вместе с Лерочкой разом обернулись. Эти двое стояли посреди комнаты. Одна обнимала другую, словно пытается укрыть от ветра.

– Лиза, выключи воду. Ты разве не слышишь, в кухне бежит вода, – ровно и четко произнесла Татьяна Ивановна.

Лиза послушно отклеилась от Лерочки и, спотыкаясь на ровной глади паркета, засеменила на кухню. Лера осталась стоять одна и выглядела так, будто ее раздели и поставили в одном нижнем белье посреди площади.

А мать вдруг сразу все увидела. Изменившуюся фигуру,

другой взгляд. Все, что должна была заметить давно!

Все еще отказываясь верить предположениям, спросила:

– У тебя... с ним... что-то было? Ты понимаешь, я говорю не о поцелуях. Было?!

Лерочка съежилась, словно попыталась спрятаться в панцирь, которого не было.

– Да, – еле слышно прошептала она.

У Татьяны Ивановна подкосились ноги. Если бы не Лиза, она упала бы на пол. Та подхватила хозяйку и помогла сесть на стул. Домработница снова метнулась на кухню, теперь уже за валерьянкой для хозяйки.

– Мамочка, прости меня... прости меня! – лепетала Лера, глядя, как мать пьет лекарство. Стакан два раза громко стукнул о зубы. – Мамочка, прости меня...

Татьяна Ивановна собралась с силами, поднялась и вышла в гостиную.

Лиза испуганно полетела за ней.

– Господи, что делать, что мне делать? – бормотала Татьяна Ивановна, обращая вопросы единственно к себе самой. – Что делать? Кому звонить... Найти врача? Да, нужно срочно найти врача...

Она ходила по комнате и говорила сама с собой. Она чувствовала, что нельзя останавливаться. То, что клокотало и бурлило сейчас внутри ее, требовало выхода, заставляло двигаться, действовать.

Стол, немецкая горка красного дерева, пианино, тахта...

И снова: стол, горка с посудой, тумбочка с радиолой, пианино...

– Уже поздно, Татьяна Ивановна, – вдруг вклинилась в ее мысли домработница.

– Что – поздно? – не поняла Татьяна Ивановна и взглянула на высокие часы с маятником. Они показывали девять часов вечера.

– Четыре месяца уж, наверное, с лишком... – пояснила Лиза. – Теперь ноябрь уж на исходе, а парень-то уехал в июле. Как раз Клава-то у нас го...

– Ты все знала?! – Новое открытие потрясло Татьяну Ивановну. Вот кто виновник всего! Такое предательство! Нож в спину! – Ты знала и молчала? Ты... ты...

– Да я... я недавно только... я ждала, когда...

Но Лизе не дали оправдаться. Гнев и обида, нанесенные непоправимым поступком дочери, искали выхода. Нужен был виновник, на которого можно было излить желчь.

– Дрянь! – кричала хозяйка. – Я тебя голодную, оборванную из деревни привезла! Пожалела! Накормила, обогрела! Разве мы с Петром Дмитриевичем тебе в чем отказали? Обидели тебя? Ну скажи, Лиза? Ну? За что ты нам платишь черной неблагодарностью?!

Лиза стояла молча, покорно опустив голову в пол. Она не сказала больше ни слова в свое оправдание. Ей было искренне жаль их всех – Лерочку, Татьяну Ивановну, Петра Дмитриевича. Она действительно чувствовала себя в чем-то

виноватой. К тому же в глубине души Лиза, наверное, подзревала, что Татьяна Ивановна не сможет успокоиться, пока не выльет на кого-нибудь свой гнев. Так пусть уж лучше на нее, Лизу, чем на измученную своей тайной и Юриным предательством Лерочку.

Лиза покорно стояла, а Татьяна Ивановна кричала на нее, не стесняясь в выражениях. И все-таки к десяти часам гневные слова иссякли, силы оставили женщину. Она заперлась у себя в спальне. Лиза осторожно звякала посудой на кухне. Лерочка, не раздеваясь, сидела на постели. В эту ночь в квартире Подольских никто не спал.

Утром Татьяна Ивановна вышла из своей комнаты бледная и решительная. Она приказала всем собраться в гостиной. Когда Лерочка с Лизой пришли, Татьяна Ивановна объявила им, чтобы обе готовились к отъезду. Поедут они в деревню под Курск, где проживут у сестры до родов. Ни слова не говоря, Лиза и Лера начали сборы.

Бесконечно долго тянулась эта зима. Уж казалось, само небо устало гнать клочья снеговых облаков, а сугробы, набросанные от крыльца к забору, закоптили от печного дыма. Но март нет-нет да и впустит солнца в свой промозглый день. И все же большинство дней оставались серыми, с сырым ветром и снегом, зябкими вечерами и унылым однообразием деревенского быта.

С неожиданным для себя рвением Лерочка стала учить-

ся вышивать. Лиза с Клавой накроили и настрочили распашонок да чепчиков, а Лерочка с проснувшимся вдруг интересом стала эти вещички украшать. То обошьет рукавчики по краю нежным розовым, то вышьет цветочек по грудке и весь его увет светло-зелеными листиками. Клава раздобыла ниток мулине, съездила в город и привезла канву и рисунки для вышивки. Больше всего Лерочке понравилась картинка с голубками. Птички сидели головками друг к другу и в клювах держали бант.

От распашонок остались лоскутки, из которых Лиза сделала платочков. Вот эти-то платочки Лера и принялась украшать голубками. Края обошьет тонкой линией, а в уголке – голубки держат бант. Вышивала голубков гладью – стежок к стежку. Научилась делать так, что изнаночную сторону от лицевой не отличишь – до того аккуратно! Сидит вот так, тянет ниточку, чтобы, не дай Бог, не запуталась. А сама мыслями уносится далеко-далеко. А чаще всего голубки уводили ее в дачный поселок, голубятню Кузнецовых. Сразу оживал равномерный гул голубиного воркования, Юрина рука, покрытая темными волосками, командирские часы на его запястье. Его шепот в сладкую минуту нежности: «Голубка, голубка моя...»

Боль, нанесенная его письмом, не смогла вычеркнуть совсем мысли о нем, а лишь изменила их направление. Теперь Лерочка часто представляла себя взрослой, гуляющей с маленьким сыном по бульвару. Он будет точная копия Юры –

темные волосы, синие пронзительные глаза. Их встреча обязательно произойдет. Однажды, гуляя с сыном по бульвару, они заметят молодого человека в форме курсанта военного училища. То, что Юра станет военным, как его отец, не вызвало сомнений. У Юры будет увольнительная, и он с товарищами придет на бульвар. И он увидит их. Он все поймет... И подхватит своего сына и поднимет высоко-высоко. И увидит, что у сына такие же синие глаза, как у него...

Дальше Лера не заглядывала. Ей рисовалась лишь эта встреча. Она не уставала придумывать ее варианты, и это придавало ей сил. Пожалуй, только благодаря этому она выдержала нудное однообразие зимы, свое затворничество и ссылку.

В то время как девушка предавалась мечтам за своей работой, за дверью в кухне женщины перебирали лук. Сидели над корзиной голова к голове – гнилой отбрасывали в ведро, а хороший перекладывали в корзину поменьше.

– Ну что, Татьяна-то ничего так за ребенка-то и не сказала?

Клава говорила «за ребенка», что надо понимать «насчет ребенка». Местный диалект делал речь занятой и необычной для чужака, но не для Лизы. Та и сама, прожив в Москве больше половины своей жизни, так и не избавилась от курского наречия.

– Ничего, – покачала головой. – За Лерочку спрашивала.

Читают ли та учебники, готовится ли к экзаменам.

Лиза по договоренности с хозяйкой раз в месяц в установленный день ездила в райцентр, на телеграф, на переговоры. Татьяна Ивановна интересовалась, как у них дела, и Лиза всегда подробно рассказывала. Впрочем, когда Лиза увлекалась и начинала умиляться по поводу будущего ребеночка, рассказывать, как тот резво толкается и шевелится, хозяйка перебивала ее и наказывала лучше смотреть за Лерочкой и из дома ее одну никуда не отпускать. Будто она, Лиза, сама не знает, что Лерочка без нее как без рук. Лиза здесь затем и приставлена, чтобы смотреть. Говорила хозяйка много, но главное-то опять не сказала! Сегодняшний разговор не пролил света на тот вопрос, который волновал обеих женщин. Что же будет с ребеночком, когда Лера родит? Заберут ли его в Москву или же оставят здесь, в деревне, чего так жаждали женщины.

– Чего мне? Я одна, не старая еще, – рассуждала Клава, раскладывая лук по местам. – Мне дите в радость. Я бы воспитала как свое. Я перед Татьяной в долгу, я добра не забываю. Пусть бы ребенок здесь рос, а они бы если захотят посмотреть, то я всегда...

– Привыкнешь, а потом заберут, – перебивала Лиза. – Ты же после изведешься.

– Куда они его заберут? – не слишком уверенно возражала Клава. – Что они знакомым скажут? Опять же Лерочку надо будет замуж отдавать. Нет, не заберут. Побоятся.

– Это уж как Петр Дмитриевич скажет, – вздыхала Лиза. – Нрав у него, конечно, крутой, но сердце доброе. Я думаю так: сейчас хозяйка на меня сердита, что я недоглядела Лерочку-то. И меня она может к себе не взять. Пока...

– Не болтай зря! Куда она без тебя?

– Куда, куда... Новую домработницу возьмет. А меня здесь оставит, с ребеночком. Вот увидишь, Клава, помани мое слово. Уж я Татьяну Ивановну знаю. Она все продумает, каждую мелочь... Она уж давно так решила, только пока молчит.

При мысли о всемогущей хозяйке, что не спешила посвящать их в свои планы, женщины замолчали. Было слышно, как шуршит луковая шелуха и в трубе завывает ветер.

– А вдруг потом Татьяна решит ребеночка в Москву забрать? – в свою очередь, спрашивала Клава.

А Лиза, помолчав, делала заключение:

– Вот тогда она нас вместе с ним из деревни и выпишет!

Клава с сомнением качала головой, женщины надолго замолкали. Каждая уходила целиком в свои мысли, которые текли неспешно, как сама деревенская жизнь.

Они даже не подозревали, насколько далека была от их планов сама Подольская.

Татьяна Ивановна смотрела на жизнь реально, без розовых очков. Беда, свалившаяся как снег на голову (иначе она назвать случившееся не умела), заставила найти в себе скрытые резервы. Во-первых, проводив дочь с домработницей,

как она выражалась, в безопасное место, она стала думать. И чем больше думала и крутила ситуацию с разных сторон, тем больше чувствовала себя виноватой в случившемся. Она проглядела дочь. И Петя, вернувшись и, не дай Бог, узнав, обвинит ее же. И не простит никогда. Их жизнь рухнет. За спиной она всегда будет слышать перешептывания знакомых. Их семья станет темой для анекдотов. Нет. Этого она не позволит. О случившемся не узнает никто, включая Петра Дмитриевича. Когда он вернется, все в их жизни будет выглядеть так, как тогда, когда он уезжал. Она должна измудриться, вывернуться наизнанку, прыгнуть выше головы, но суметь сохранить репутацию семьи и не дать разбиться жизни единственной дочери.

И Татьяна Ивановна начала действовать. Она побывала у директора Лерочкиной школы и добилась разрешения для дочери сдавать выпускные экзамены экстерном. Она ходила не с пустыми руками, и поэтому ее известие о внезапной болезни дочери и отъезде в Крым было встречено сочувственно и с пониманием. Подольская составила себе четкий план и, когда в конце апреля садилась в поезд на Курском вокзале, была почти совершенно спокойна. Лицо ее выражало решимость и достоинство. Приехав в Курск, Татьяна Ивановна устроилась в гостинице. Нашла родильный дом и обо всем договорилась. В деревню приехала на такси и сразу заявила, что времени на разговоры у нее нет, нужно быстро собрать Лерочку, поскольку рожать она будет в городе.

Женщины, у которых давно все было готово, все же забежали, закудахтали, и Татьяне Ивановне с досадой пришлось самой взяться за дело.

Когда Лера, ставшая большой и неуклюжей до неузнаваемости, уселась в машину, Клава вынесла узелок с детским приданым – вышитыми Лерой распашонками, стеганым атласным одеяльцем и пеленками.

– В этом забирать будете, – пряча непонятно откуда взявшиеся слезы, пояснила она.

Лиза за ее плечом тоже шмыгала носом. Татьяна Ивановна молча приняла вещи, села рядом с дочерью и сказала:

– Поехали.

Когда днем Татьяна Ивановна ехала из города в деревню, то не заметила ни кочек, ни выбоин на дорогах. Теперь по бледному напряженному лицу дочери она догадалась, что встряска оказывается для той настоящей мукой.

– Товарищ, нельзя ли потише? – обратилась она к водителю.

Тот в зеркальце глянул на бледную Лерочку.

– Первый раз, что ли? Ничего, довезем...

Лера поддерживала руками живот, но каждая кочка заставляла ее морщиться и стонать.

– Потише можете? – рывкнула Татьяна Ивановна. – Не картошку везете!

– Какие дороги, так и везу, – невозмутимо возразил водитель.

– Мама! – испуганно вскрикнула Лерочка, когда на очередной выбоине машину неслабо подбросило. Ей показалось, что внутри ее что-то оборвалось. Боль сжала ее в тиски, живот стал напряженным, будто все внутри собралось в единый клубок.

– Остановите, – попросила она.

Машину остановили.

– Сейчас, сейчас пройдет, детка, – успокаивала мать, хотя сама не на шутку перепугалась. Не приведи Господи начаться родам в дороге.

Лицо дочери вытянулось, она схватилась за живот. Сомнений не оставалось – начались схватки. Первая схватка оказалась короткой, боль скоро отпустила. Поехали. Но едва они добрались до поворота на город, все повторилось с новой силой. Лера не находила себе места. Пуховый платок сбился с головы, пальто расстегнулось.

– Мама, я боюсь. – Глазами, полными ужаса, она взидала на мать.

– Ничего, ничего, доченька. Доедем.

Кое-как добрались до роддома.

– У нас роды начались! – взволнованно сообщила Татьяна Ивановна встретившей их медсестре.

Но та была невозмутима.

– Начались, значит, родим, – резонно заметила она.

Лерочке показалось вечностью то время, что заполняли документы, задавали нудные вопросы, мучили ее осмотром,

мыли и переодевали. Все это время схватки то и дело повторялись, заставляя ее корчиться и кусать губы от боли. Лерочку привели в маленькую палату и оставили одну. Здесь, когда новая схватка запустила в нее свои когти, она уже не смогла сдержаться и закричала.

– Не лежи, – сказала медсестра, заглянувшая в палату. – Тебе врач ходить велела. У тебя еще только на два пальца раскрылось.

Лера попыталась ходить, как было велено, но боль не давала ей сделать и двух шагов. Дойдя до двери своей палаты, она почувствовала, что по ногам льется. Она в растерянности уставилась на лужу, образовавшуюся на полу. Хотела позвать медсестру, но не придумала, как сказать о случившемся. Она почувствовала полнейшую растерянность, страх, боль. Не могла понять, почему ее запихнули одну в эту палату, почему боль длится так долго, почему... Ей хотелось задать кучу вопросов, но было совершенно некому.

– Воды отошли, – констатировала санитарка, увидев лужу. Принесла швабру и спокойно вытерла. По коридору кто-то бегал. В соседней палате громко стонали, где-то далеко страшно кричала женщина. Лерочка плакала и кусала костяшки пальцев. Почему с ней не пустили маму? Все-таки было бы не так одиноко. Впрочем, боль вскоре заглушила все остальные ощущения. Стала постоянной, невыносимой, терзала ее неумолимо, безжалостно. Лера теперь уже не могла ни о чем думать, ничего желать. Она хотела только одно-

го: чтобы скорее ее избавили от муки, чтобы скорее все кончилось. Ее куда-то повели, заставили подняться на застеленный клеенкой стол. Лампы слепили глаза, в квадраты окон смотрела ночь.

– Мама! – кричала Лерочка, мотая взмокшей головой из стороны в сторону. – Мама, помоги мне...

В это время Татьяна Ивановна добивалась аудиенции у заведующей.

– Заведующая принимает роды! – в десятый раз пояснила пробегающая мимо медсестра.

– Заведующая принимает роды у моей дочери! И мне нужно поговорить с врачом! Это очень важно, девушка!

Наконец Татьяне Ивановне удалось сунуть мимо медсестре в бездонный карман белого халата большую плитку шоколада. Медсестра, не притормозив, заглянула в карман и куда-то умчалась. Минут через десять появилась заведующая – суровая сухопарая дама, от одного взгляда которой у Татьяны Ивановны мороз пробежал по коже.

– У вас ровно пять минут, – бросила врач, приглашая в свой кабинет.

– Как моя дочь? – с ходу поинтересовалась Татьяна Ивановна, плотно закрыв за собой дверь кабинета.

– Роды трудные, не скрою. Матка раскрывается плохо. Но все еще только началось. Дело обычное.

– Гертруда Марковна, – обратилась Татьяна Ивановна к врачихе, имя которой успела выучить по табличке, пока

ждала в коридоре. — Я хочу... как мать... попросить вас... предупредить... Если встанет вопрос, кого спасать, то...

— Да не стоит так вопрос, — удивилась заведующая. — Спасем обоих. Что вы панику разводите? Ваша дочь — здоровая молодая женщина. Не первая она у нас, слава Богу...

— Дело не в этом, — настойчиво продолжала Татьяна Ивановна, разглаживая обивку стола заведующей. — У меня к вам не совсем обычная просьба.

Замаялась не потому, что стеснялась высказать заведующей свою просьбу, а для того, чтобы дать той время переключить свое внимание. Было важно, чтобы заведующая услышала ее сразу. Теперь, когда врачиха устремила на нее свой колющий, цепкий взгляд, Татьяна Ивановна начала неторопливо и четко излагать свою просьбу. Видавшая виды заведующая не перебивала, не возмущалась, а лишь задумчиво разглядывала сидящую перед ней ухоженную даму, которой так повезло — жить в Москве, иметь высокопоставленного мужа, дочь-отличницу. И надо же — неожиданный внук портит все карты!

Она усмехнулась.

Татьяна Ивановна закончила изложение своего дела и с непониманием уставилась на заведующую. Не поняла усмешку. А заведующая не спешила объяснять. Да, у них бывали отказники. Отказывались от детей непутевые мамы, живущие в рабочих общежитиях, коммуналках с вездесущими соседями. Но по следам непутевых неустroенных

мамаш нередко прибегали сердобольные бабушки. Увозили нагулянных детей к себе под крылышко. Растили внуков, наплевав на пересуды соседей. Но это были сплошь простые русские бабы – жалостливые до детей. Здесь же был другой случай.

– Давайте поговорим об этом завтра, – предложила заведующая, поднимаясь. – Когда роды закончатся и будет в наличии ребенок. Пока мы с вами ведем беспредметный разговор.

Заведующая по опыту знала – мать должна увидеть ребенка. И бабушка тоже. Увидят, сердце и растает. И все эти условности, с которыми они так носятся, отойдут непонятно куда. За тридевять земель. Недаром говорят – утро вечера мудренее.

– Нет-нет, – живо возразила Татьяна Ивановна. – Моя дочь не должна видеть ребенка. Совсем.

– То есть как это?

– Мы скажем ей, что ребенок умер. Родился мертвым...

Ну что-то в этом роде.

– Да типун вам на язык! – возмутилась заведующая. – Вы на что меня толкаете, гражданка? Вы осознаете, что вы мне тут предлагаете?!

У заведующей слюна брызнула изо рта и попала на щеки Татьяны Ивановны. Но та не стала вытираться.

– Осознаю. – Щелкнула замочком сумочки и вынула конверт. Она держала конверт в руках и говорила. А заведую-

щая ходила по кабинету, делая вид, что не видит этого конверта. И Татьяна Ивановна с торжеством в душе осознала, что врачиха колеблется.

– Девочка очень ранимая, – напористо продолжала Татьяна Ивановна. – Она не сможет спокойно жить, зная, что где-то растет ее ребенок. А ведь она сама – сущее дитя. Ее обманули, обесчестили! Этот негодяй испортил ей жизнь! А так... она сумеет со временем пережить свое горе. Поступит в институт, забудет...

В дверь постучали.

– Гертруда Марковна! – Голова медсестры высунулась в щель. – Головка пошла!

Заведующая быстро смахнула конверт в ящик стола.

– Я должна подумать, – бросила она, не взглянув на посетительницу. – А сейчас мне нужно идти работать.

– Да-да. – Татьяна Ивановна вскочила. – Это аванс. А утром, когда все... закончится, я отблагодарю вас.

Заведующая молча покинула кабинет. Татьяна Ивановна вышла в коридор.

Из родовой палаты, которая находилась в самом конце коридора, доносились душераздирающие крики. Татьяне Ивановне даже показалось, что в этих криках присутствует что-то звериное, похожее на рычание. Она не хотела верить, что это кричит ее дочь, ее маленькая Лерочка, с наивным взглядом своих янтарных глаз. О, как в эту минуту Татьяна Ивановна ненавидела этого негодяя, этого смазливового сосун-

ка, сына Кузнецовых, который так нагло взял то, на что должен был взирать издали, с трепетом и благоговением! Этот сопляк воспользовался наивным первым чувством чистой девочки и теперь ни при чем!

Ее дочь должна выносить такие муки, должна перенести весь позор одна, а он останется в стороне? Как бы она хотела, чтобы он сейчас оказался здесь, рядом, и его родители тоже...

Кулаки ее побелели от бессилия и ярости. Ну ничего. Он будет наказан, хотя и не узнает об этом. Его ребенок, его кровь, будет расти в казенном учреждении, не зная родителей! И этот грех целиком ляжет на его совесть! Ведь как сопляк выразился в письме? «Реши проблему, сама знаешь как...» Да нет у него никакой совести!

Татьяна Ивановна не могла больше сидеть без движения, она вскочила и пошла по коридору, осторожно ступая. Крики из родовой то затихали совсем, то вдруг возобновлялись с новой силой, и казалось – не будет этой пытке конца. И не у кого было спросить – почему так долго, и почему ничего не сделают для облегчения страданий ее девочки, и почему...

Больница спала. Была глубокая ночь. Чернильное небо за окном равнодушно взирало на терзания супруги генерала.

Она, впрочем, держала себя в руках. Недопустимо позволить себе расслабиться, заикнуться, предаться сентиментальным размышлениям. В голову лезли мысли о Пете, о том,

как она сама рожала Лерочку, как утром Петр Дмитриевич, тогда еще капитан Подольский, притащил под окно ведро цветов. Это было перед самой войной.

Нет, неподходящие мысли, Татьяна Ивановна их решительно отогнала. Она обратила внимание, что вдруг стало слишком тихо. Пока она отвлеклась на воспоминания, крики стихли. Теперь ничто не нарушало сонную тишину больницы. Татьяна Ивановна осторожно пробралась по длинному коридору к родовой. Встала у стены, прислушалась. Из палаты доносился писк, наподобие писка котенка или птенца. Звякали инструменты, был слышен плеск воды. Сколько так простояла Лерочкина мать с гулко бьющимся сердцем? Ей самой показалось – вечность. Наконец дверь открылась, вышла медсестра в марлевой повязке. На руках она держала туго спеленатый сверток. Молча стрельнув глазами, медсестра прошествовала по коридору и скрылась за поворотом.

Вышла врач и, увидев мать роженицы, сказала:

– Идемте со мной.

– С дочерью все в порядке? – робко спросила Татьяна Ивановна, пытаясь заглянуть в глаза заведующей. Тишина в родовой палате пугала ее. Врачиха взглянула на нее, словно не поняла вопроса. Потом кивнула и пошла дальше. Татьяна Ивановна заторопилась следом.

...Лера не могла понять – спит она или нет. Видит ли она наяву занимающееся за окном утро, или ей только снится.

Она слышала, что кто-то настойчиво не велит спать. Чувствовала холодное на животе – это поставили лед в судке, слышала чей-то равномерный голос, бормочущий что-то простое, ясное... Слышала и не понимала. Сознание ускользало от нее, и она только успевала вспомнить, что мучения кончились, и наслаждалась отсутствием боли и покоем. Старая нянечка в белом халате мыла пол и разговаривала с Лерой, называя ее касаткой. И Лера начинала думать, будто она дома и это Лиза моет пол, а она, Лера, больна гриппом и не пошла в школу. И на кухне звякает посуда, и так хорошо, так спокойно.

Липкая усталость тянула ее за собой. Закрывать глаза, провалиться в омут забытья... Ах, кто сказал, что ей нельзя спать, почему нельзя? Спать...

И вот она проваливается в мягкий мутный сон, но сквозь сон, где-то совсем рядом над собой, она слышит стук в окно. Даже не стук, а удар, будто в окно чем-то кинули, а потом уже стук, и ей приходится с трудом выпутываться из сетей сна, чтобы увидеть, кто там стучит и стучит в окно. И она снова слышит голоса. Но как трудно понять – о чем они говорят.

– Теть Галь, глянь, голубь, что ли?

Медсестра повернулась, держа на вытянутых руках инструменты. В окно настойчиво билась серая, с голубоватым отливом, голубка. Птица зацепилась за деревянную перекладину и ходила по ней, словно пыталась разглядеть, что происходит внутри.

– Раненая, что ли?

Нянечка оставила в покое швабру и подошла к окну.

– Да нет, вроде целая... Смотри-ка! Ходит и постукивает клювом-то. Не боится...

Голубь не торопился улетать. Лера наконец разлепила глаза и прямо над собой в окне увидела голубя. Отчего-то сразу стало горячо в груди, и сердце зачем-то радостно застучало. Радостно и тревожно.

Птица очень старалась, чтобы на нее обратили внимание. Она словно увидела внутри, из-за чего хотела влететь, наверное. Но все три женщины, находившиеся сейчас в палате, замороженно наблюдали за ней, подозревая в этом что-то мистическое.

Лерочка сразу вспомнила Москву, ресторан, и как она хотела стать птицей, вспомнила все. И суеверно подумала о Юре. Ей хотелось, чтобы птицу впустили. А медсестра сказала:

– Теть Галь, прогони ее!

– А?

– Прогони, говорю. Плохая примета, когда птица в окно стучит. Кажется, к покойнику.

– Типун тебе на язык. Скажешь тоже! Девочка у нас родилась, вот и голубь! Радость, значит. Голубь – это к радости...

Нянечка загремела ведрами и ушла. Птица вдруг с шумом отпрянула от окна и улетела.

Лера смотрела ей вслед во все глаза. Что они сказали? Де-

вочка... Это значит, у нее родилась девочка. Голубка...

Она не успела осознать эту мысль, когда медсестра опустила инструменты в кипящую воду и сказала:

– Ну что, мамашка, поднимайся. Держись. Поехали в палату.

Откуда-то взялась каталка, Леру переложили и повезли в палату. Вопреки ее ожиданиям палата оказалась отдельной. Она снова осталась одна.

Татьяна Ивановна не могла себе позволить ни на минуту расслабиться. Ей все предстояло сделать самой. Пока малышку заворачивали, у крыльца ее ждала машина. Татьяну Ивановну сопровождала медсестра, которая и держала ребенка. Они сели в машину и поехали. Медсестра откинула вышитый уголок и улыбнулась ребенку.

– Хорошенькая какая, – восхитилась она. – Хотите посмотреть?

Татьяна Ивановна так взглянула на медсестру, что у той пропало желание общаться. Остаток пути ехали молча. И когда водитель привез их к серому казенному зданию Дома ребенка, у медсестры не возникло больше порывов растопить лед суровой дамы.

Она не подозревала, что за этой внешней холодностью таится душа, в которой не все спокойно в эти минуты.

Нет, нелегко дался Татьяне Ивановне этот шаг, который был в деталях продуман. Были мгновения, когда что-то со-

противлялось внутри ее, что-то екало и сочилось. Однако же она была уверена, что по-другому поступить не может. Она должна думать прежде всего о своей семье. Горячо любимой семье – Пете, Лерочке. Она должна сделать все, что решила, для их общего блага.

Нянечка, принимающая младенца, не показывала удивления или же возмущения. Каждый день приносили им отказников, но редко – в таких богатых, с любовью собранных одежках. Чаще – в казенном выцветшем одеяльце с печатью.

– Королевна просто! – причмокивала нянечка, любуясь вышивкой на пододеяльнике, разглядывая платочки, которые Татьяна Ивановна сложила в остальное белье. – Да это у нас богатая невеста, с приданым...

– Я где-то должна расписаться? – с досадой перебила Татьяна Ивановна. Ей хотелось как можно скорее уладить все формальности и покинуть это учреждение. После пережитых треволнений и бессонной ночи она едва стояла на ногах. Но об отдыхе не могло быть и речи. Ей предстояло увидеться с дочерью, разговаривать с ней. Татьяна Ивановна больше всего сейчас боялась реакции Калерии. Она не знала, чего ей ждать. В проснувшемся роддоме царила обычная жизнь – новая роженица со стонами ходила по коридору, поленышками завернутых малышей несли кормить, в послеродовой палате, где лежало человек восемь счастливых мамаш, раздавался смех.

Калерия лежала в отдельной палате. Сначала Татьяна Ива-

новна подумала, что дочь спит, но Лера открыла глаза и жадно вцепилась глазами в мать. Татьяна Ивановна почувствовала себя как под прицелом. Она испугалась, что Лерочка сейчас все прочтет по ее глазам. Но выдержала этот взгляд, положила свою руку поверх дочкиной. Лера увидела, что лицо матери измучено бессонной ночью. Обычно свежая, ухоженная и довольная собой, сейчас она выглядела подавленной. Под глазами – темные круги, в углах рта – скорбные морщинки. Ничто не укрылось от быстрого взгляда Лерочки.

– Мама! Она умерла! Они сказали мне, что она умерла! – Лера села на постели, и Татьяна Ивановна тут же сделала движение навстречу. В ее лице, как в зеркале, отразилась боль.

– Да, моя дорогая, я знаю!

Татьяна Ивановна не притворялась, она понимала, как должна переживать свое горе дочь. Однако знала и то, что все проходит. Особенно в 17 лет.

– У тебя были трудные роды. Ребенок слабенький, это бывает...

Татьяна Ивановна держала дочь в своих объятиях и гладила по спине, по голове. Как в детстве, когда та болела.

– Мама, она прилетала ко мне, я видела!

– Что ты, Лерочка, о чем ты?

Татьяна Ивановна с тревогой прислушивалась. Уж не началась ли у дочери послеродовая горячка?

– Я лежала на столе, а в окно билась голубка. Медсестра сказала, что примета плохая, будто кто-то умрет. Я теперь знаю, что это она была... моя малютка...

– Ну что ты такое говоришь? – с мягким укором вклинилась мать. – Комсомолка, и веришь в приметы? Да?

Они плакали обе, держась друг за друга. Плакали каждая о своем.

– Какая я теперь комсомолка, мама... Меня исключат теперь. И пусть. Мне все равно...

– Что ты, Лерочка! О чем ты? Никто не узнает! Мы даже папе не скажем! Я буду молчать, только ты никому не проговоришь. Все пройдет, дорогая моя. Все забудется.

Вошла медсестра и принесла большую пеленку.

– Грудь нужно перетянуть, чтобы молоко не прибывало. Давай-ка...

Медсестра была приветлива. Татьяна Ивановна впервые за несколько дней вздохнула спокойно. Все идет как надо. Пока муж внедряет свои стратегические разработки, она осуществила и придумала не менее сложный план. Она знала, что теперь будет так, как она задумала. Молодость возьмет свое, организм дочери быстро восстановится. Девочка успешно сдаст экзамены и летом поступит в институт. О том, что пришлось им пережить в эти полгода, не узнает никто. Никогда.

Часть 2

Иринка

Иринка возвращалась из школы одна. Девочки ушли сразу после уроков, все вместе. За ними приходила воспитательница, как обычно. А Иринку оставили после уроков, потому что у нее страдало чистописание.

Снова на разлинованную косой линейкой чистую страницу шлепнулась синяя клякса. Писать чисто оказалось не так легко. Этот неприятный эпизод обернулся для девочки неожиданным приключением – она впервые возвращалась из школы совершенно одна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.